

Сергей Росстальной
Ржавое золото

Детектив

Сергей Росстальной
Ржавое золото. Детектив

«Издательские решения»

Росстальной С.

Ржавое золото. Детектив / С. Росстальной — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835937-8

Двое молодых людей проводят летний отдых в небольшом южном городе. Здоровое любопытство заставляет их принять участие в работе археологической экспедиции. Но там, в результате несчастного случая, погибает руководитель археологов Садиков. Димыч и Лерыч видят в случившемся преднамеренное убийство, замаскированное под трагическую случайность. Несмотря на запреты молодые энтузиасты идут по следу. Немного опасного везения — и они находят не только убийцу Садикова, но и клад, который все искали.

ISBN 978-5-44-835937-8

© Росстальной С.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Ржавое золото

Детектив

Сергей Росстальной

© Сергей Росстальной, 2024

ISBN 978-5-4483-5937-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

...которая, возможно, имеет отношение ко всем остальным главам – красоты ночного неба – живые страшнее мёртвых – кратчайший путь превращения человека в могильного червя – «хаджибурунский призрак» – гибель гробокопателя.

Ночь была темна, звёзды были высоки; южный месяц ещё не взошёл и не притуманил ночное небо своим светом, поэтому Млечный путь, он же Чумацкий Шлях, был виден отлично. Загулявший поэт пришёл бы в восторг от подобного зрелища, и написал бы мистическое стихотворение; недремлющий астроном открыл бы десяток новых звёзд, невидимых в худшую погоду, и назвал бы их именами богов. Но эта астрономическая панорама достойна внимания в лучшей истории, чем наша, поэтому оставим небо, и сосредоточимся на нескольких человеческих фигурах, идущих по тёмной степи.

У троих людей, бесшумно рассекающих густые степные ковыли, была ещё пара часов тёмного времени. Впрочем, звёзды, ясно видимые вплоть до самой крошечной, не давали темноте полной власти и подсвечивали степь слабым матовым светом.

Идущие люди иногда поднимали головы вверх, то один, то другой, то все вместе, и каждому казалось, что кто-то сию минуту высоко-высоко подбросил в небо огромные горсти сверкающих бриллиантов и золотых монет; они беспорядочно разлетелись в черноте неба, и сейчас посыплются дождём обратно. Каждый видит то, о чём думает и к чему стремиться...

Впереди шёл худощавый мужчина, с короткой бородой, на голове – фетровая шляпа, а за спиной – не совсем полный мешок. В темноте его полное описание весьма затруднено, и, по той же причине, пожалуй, и не нужно.

Следом за первым шёл другой мужчина, ростом не ниже, без головного убора, но с лопатой на плече и ломом в руке. Его подробный образ тоже совершенно ни к чему.

Последним шёл человек совсем маленького роста, и по его телосложению можно было определить, что это ребёнок, мальчик лет 10—12, породы не из крупных. Мальчик ничего не нёс, а шёл молча.

Оба мужчины тоже особо разговорчивыми небыли, но, иногда, задний заговаривал в полголоса с передним. Вот и теперь снова:

– Кум... А как же быть то?..

– Чего?

– Так грех ведь! Могилу же тревожим...

– Ой-ой... Бередун ты неугомонный. Толкую ещё раз: той могиле, сказывают, тыщца лет. Да ежели и не так, то всё равно, очень много – несколько сотен. Но не то главное...

И передний мужчина сделал паузу, предназначенную явно для того, чтобы заострить внимание на этом месте.

– А что главное?

– Кум, там похоронена нерусь некрещеная! Хоть и князь, говорят, чей то, но кровей не наших, и язычник, к тому же.

– А-а... ну, понятно, кум. Стало быть, какой тут грех, да?

– Вот-вот. Нехристь лежит. Не робей, кум!

– Да я не робею, так, для порядка... А что, богатый, нехристь этот?

– Так ведь князь, кум! Скифский! Так что, веселее, кум!

Во тьме, заграждая звёзды у горизонта, появилась цель похода. То был высокий большой курган с пологими склонами, поросшими тем же ковылём и чертополохом. Ночные путешественники начали восходить по его склону, приближаясь к округлой вершине. Второй мужчина начал опять:

– Кум, а что, сбоку никак нельзя? Нужно непременно наверх?

– А что тебя, кум, беспокоит?

– Так сверху нас видать, как муху на макушке. Вот бы сбоку...

– С какого боку, кум!? Сбоку копать и копать. А если сверху – так совсем недалеко до свода. Кум, осмотрись, ночь кругом, кто нас увидит?

– Месяц взойдёт.

– Так здесь никого нет.

Словно в ответ, заорала ночная птица.

– Никого нет!? – сказал задний трусливый кум.

– Ой, кум... уймись! – с досадой ответил ему ведущий кум. – Говорю тебе, там дёрн снять надо, рыли там уже. До свода всего ничего. Самое трудное – камни вытащить.

Наконец, все трое, оказались на вершине кургана. Первый мужчина взял у второго лопату и приготовился, было, копать в том месте, где были видны следы недавней копки. Но, вогнав лопату в сухой грунт, он оглянулся и сказал мальчику:

– А ты, Ганька, посматривай вокруг. Всякого случая ради.

Мальчик молча кивнул и обернулся на степь. Кроме восхитительного звёздного неба, он ничего интересного больше не увидел. Созерцанием оного он и занялся.

Тем временем главный кум быстро расшвырял большие куски копаной земли, и добрался до более плотного грунта, ещё не тронутого лопатой. В темноте не видно, но он знал, что в этом месте ручным буром была проделана лунка, через которую удалось достать до крыши каменного свода, и определить, что до него ещё около метра глубины. Бороться с такой толщей слежавшейся земли трудно. Быстро, с остервенением, рыли по очереди, пока лопата не стукнулась в камень. Вот он, свод древней усыпальницы! Разрыв яму шире, они нашли каменную кладку свода, сделанную из белого ракушечника.

К этому времени, как раз, едва показался месяц из-за горизонта. Стало чуть светлее, и кладку можно было рассмотреть. Квадратные камни, со стороною в фут, были плотно пригнаны один к другому. Здесь были видны их торцы. Туда, в глубину, они длиннее и лежат, соединившись своими длинными боками. Весь свод держится благодаря тому, что камни как бы расклинивают друг друга под своей тяжестью.

– Кум, – опять сказал второй, – а если один камень вытащить, свод не упадёт туда?

– Не упадёт. Их надо целый ряд вытащить, чтобы всё упало. А нам надо достать только один.

Из мешка были извлечены: большая монтировка-фомка, молоток, зубило, и моток верёвки.

– Ну, э-э... – у старшего кума не повернулся язык сказать «с богом», – ...с песней!

И оба кума, без всяких песен, принялись возиться с одним из камней. Молотком они забивали в шов, между камнями, фомку и лом, а потом дружно выворачивали их вверх. Вскоре камень удалось расшатать. Очередной нажим на лом позволил выдвинуть камень на два пальца вверх. Оба кума тихонько радостно засмеялись. Поочерёдно забивая и поворачивая, то лом, то фомку, они смогли поднять камень ещё на две ладони вверх, после чего он безнадёжно застрял. Тогда старший кум принялся срубывать зубилом углы прилегающих камней.

– Тише, тише! – испугался другой.

– Да чего тише, кум! Там, внутри, все давно спят вечным сном.

– Ой, господь с тобой, тьфу! Я не про них!

– А вокруг никого больше нет.

Вскоре, камень удалось поднять ещё выше. Оба кума подумали, что он совсем уже вышел из кладки, и попробовали его свернуть руками. А камень взял, да и обломался в самом основании, где он еще был не вытасчен. Оставшуюся в кладке половину, старший кум ударом молотка заставил провалиться обратно. Затем он взял лом, и принялся забивать камень глубже.

Удар, ещё удар... И лом легко скользнул вниз. Кум еле удержал его, иначе лом улетел бы туда. В кладке, на месте выбитого камня, образовалось квадратное чёрное отверстие. Из него донёлся стук упавшего на дно камня. Звук показал – до дна далеко, помещение внутри высокое.

Оба мужчины нагнулись над отверстием, и мальчик тоже заглянул в яму. Пригнувшись ниже, они ощутили, ни с чем не сравнимый, затхлый, застойный запах. Этому грязному воздуху было несколько столетий, более тысячи лет.

– Сейчас всё узнаем...

Старший кум достал из мешка факел и зажёл его. Он бросил факел в отверстие, и тот полетел вниз. Факел упал на пол, подпрыгнул, и остался лежать, ничего вокруг не освещая. Пламя слабо чадило, заглушая себя собственным дымом, невозможно было даже рассмотреть, на какой поверхности лежит факел. Там, внизу, почти не было кислорода, и огонь был готов вот-вот погаснуть. Но свежий воздух нынешнего столетия всё больше проникал в отверстие и опускался вниз. Факел стал разгораться ярче. Стало видно, что он лежит на полу, выложенном бесформенной каменной плитой, грубо отесанной и неровной. До самого же пола было, видать, изрядно далеко – футов пятнадцать высоты, не меньше. Прodelанное отверстие было слишком узким, и заглянуть по сторонам было невозможно, поэтому, кроме пола, ничего нельзя было разглядеть. Тогда старший кум стащил в яму мальчика и сказал ему:

– А ну, Ганька, полезай, пока факел горит.

Ганька молча взял конец верёвки, связал её петлёй-удавкой, и перекинул её себе через плечё, обхватив туловище наискось. Это было то, ради чего его и взяли. Дело привычное для маленького беспризорного мальчика Ганьки. Не один раз он уже лазил через такие дыры во всякие склепы за драгоценностями, которые могли там остаться с покойниками. Был он узок и текуч, как желе, словно его кости между собой ни как не соединялись, и мог просочиться в любую щель. Не раз вору его использовали и для грабежа зажиточных домов – в трубу пролазил или в форточку. Ганька ни разу не попадался – всегда осторожным был и внимательным. А тут вот, на тебе: влез во времянку, что в степи была, при огородах – чего там осторожничать! – и попался! Та времянка была старшего кума, Селивана. Селиван, злой на воров, додумался в окне, с внутренней стороны, гвоздей натывать. Ганька влез по пояс, посмотрел на рухлядь, и назад. А назад и не получается! Полдня Ганька там жарил задницу на солнце, а потом появился Селиван и вытащил его. Наказал слегка, и... приспособил к делу, давно задуманному.

Ганька присел и опустил ноги в отверстие. Оба кума держали его за верёвку. Держась на руках, Ганька осторожно соскользнул вниз. На краях кладки остались только его маленькие ладошки. Вот и они исчезли. Отважный пацан повис на верёвке.

– Висю, – хрипло донеслось из дыры, – опускайте.

Стали медленно опускать.

Ганька, качаясь на верёвке, огляделся и мелко задрожал. В таких склепах он ещё никогда не был. Красный свет факела подсветил над ним стрельчатый каменный свод, сложенный из камней, ступенями, по кругу. Края свода терялись во мраке, но можно было понять, что это высокое помещение квадратного плана.

Ганьку опускали всё ниже, прямо на факел. Запах здесь был ужасающий. Однако в тех склепах, куда Ганька лазил раньше, он был ещё хуже. Видимо, запах тлена с веками притупляется и впитывается стенами.

Он стал на ноги и тут же схватил факел. Поведя им вокруг, мальчик увидел под одной из стен огромный каменный ящик, а возле него – груды больших костей. Подойдя ближе, он рассмотрел конский скелет, определив его по черепу. На костях лошади были надеты металлические украшения. Мальчик достал из праха чеканную бляху с толстой цепочкой. Под слоем жёсткого налёта невозможно было определить, из чего они сделаны, но он подошел на то место, на которое спустился, и, подняв украшение, осветил его факелом. Он не видел лиц обоих мужчин, но они его видели прекрасно.

– Есть! – обрадовался старший кум. – Курган не тронут!

Он сунул голову в отверстие и крикнул:

– Что там ещё есть, чертёнок?

– Тут гроб, – дрожащим голосом ответил мальчик, – большой, каменный.

Старший кум поднял голову и посмотрел на другого кума:

– Он его не откроет. Туда надо лезть, кум.

И они принялись расшатывать второй камень. С ним управились быстрее и смогли его вытащить целиком. Лаз стал длиннее вдвое при той же ширине. Теперь туда могли пройти плечи взрослого человека.

– Кум, обвязывайся верёвкой, – деловито сказал старший, – я вешу больше, чем ты, тяжелее, и смогу тебя удержать на весу. Открывай ломом гроб и тащи золото князя в мешок.

Младший кум испуганно перекрестился.

– Да не бойся ты его! – весело подбодрил старший. – Оно ему на кой ляд, то золото? А мы богаты будем!

– Ой... Ой... – только и сказал в ответ кум и накиннул на себя верёвочную петлю, которую подняли наверх после спуска мальчика.

Кум Гришка (его так звали), дрожа в коленях, опустил ноги в лаз. Его тело с шорохом втёрлось между камнями, и он оказался в узкой каменной щели, словно в тисках. Страшно... Но его ноги уже висят внутри... могилы. Ох, не гадалось куму Гришке, что таким делом заниматься доведётся. Но зато добра, поди, добудут. Кум говорил, что питерские академики за то золото платят поболее, чем в ломбарде за него дадут по весу.

– Держи, кум, – сказал Гришка и почувствовал, как верёвка хорошо натянулась. Очень осторожно он скользнул вниз, закрыв глаза, и ощутил, что висит в смрадном, застойном воздухе. Верёвка стала спускать его вниз.

Он открыл глаза.

Высокая каменная камера была освещена красным, дёргающимся светом факела. Внизу, под стеной, – на расстоянии около трёх футов от неё, – темнел огромный каменный гроб, и лежали лошадиные кости. Гришка повернулся в другую сторону и увидел перед собой коридор со стрельчатым сводом, тоже сложенный из камней. Коридор чернел темнотой, и конца его не было видно. Это был вход в гробницу, через который сюда когда-то внесли покойного.

Гришка стал ногами на пол. В его руке был новый факел, и он зажгёт его от факела мальчика. Стало светлее, и они увидели, что квадратная камера имеет каждую сторону длиною шагов десять, а её высота точно футов двенадцать-пятнадцать. Стрельчатый коридор тянется на длину шагов двадцать, и заканчивается тупиковой каменной кладкой, которой его запечатали после погребения. Таков был склеп скифского князя, который сейчас покоился в каменном гробу. А рядом – останки его коня.

Немного успокоившись, Гришка снял с конского хребта несколько металлических подвесок, приделанных к цепочке, и протёр их рукавом. Подвески засияли желтоватым светом. Золото! Оно здесь действительно есть! Гришка сразу забыл обо всём: и о своих сомнениях по этому делу, и о своих муках души. Золото было реальным, и для него это оправдывало всё.

– Бросай мешок и лом! – крикнул он вверх.

В каменном своде была теперь видна белая стенка прямоугольного лаза. Это месяц уже поднялся высоко и ярко светил в степи.

Упал мешок, с грохотом упал лом. Усыпальницу древнего скифа, впервые за тысячи лет, наполнил шум живых людей. Вместе с мальчиком, они быстро обобрали кости скифского коня, и всё золото сложили в мешок.

Гришка перевёл дух, не на долго остановился: кажется, все действительно не так плохо. Золото здесь валяется в грязи, – разве это дело? – и никто с него ничего не имеет. Они, с кумом просто исправили это положение.

А теперь гроб. Большой каменный ящик, на его боках высечены изображения животных. Сверху гроб закрывает толстая каменная крышка. Гроб стоит на каменных кубических подставках, и поэтому крышка лежит на высоте Гришкиной головы, и он не может заглянуть сверху и посмотреть, что там. Он забил лом в щель между крышкой и стенкой саркофага, уперся в него снизу и, с огромным трудом сдвинул каменную плиту на сантиметр в сторону. Он проделал то же самое в другом месте, и сдвинул плиту ещё на столько же. Крышка тяжела невероятно. Тут бы кума в помощь. Но кто же тогда вытащит их наверх? Мимолётная мысль о том, что здесь, в чужой могиле, можно остаться навсегда, быстро покинула Гришку. Там, наверху, сильный Селиван, он вытащит.

Через два десятка толчков, лом попал в отверстие между крышкой и стенкой – гроб, можно считать, был открыт. Гришка немного постоял, отдыхая, и снова, с остервенением, накиннулся на каменную плиту. Дальше плита двигалась всё легче и легче, сползая с гроба. И вот, наконец, она, с гулом и грохотом, свалилась под стену и раскололась поперёк надвое. Удар сотряс пол склепа.

Гроб стоит высоко, в него невозможно заглянуть. Гришка обошёл его вокруг и зашёл под стенку, где лежала треснувшая крышка. По ней он поднялся выше и заглянул внутрь, держа факел высоко.

Гришка ожидал увидеть скелет. Но он увидел худшее: оскаленное лицо, обложенное сухой плотью, поверх него – сухая, треснувшая кожа. Мумия. Труп, без доступа воздуха, под крышкой гроба превратился в мумию. Только высохли его глаза до самого дна глазниц.

На покойном был шлем, при нём был ржавый меч, без украшений, рядом лежало копье. Одежда истлела, и на высохшем трупе остались золотые украшения воина. Дрожащими руками Гришка снял шлем. Шея мумии хрустнула. Из шлема выпала копна свалывшихся волос, сорванных с черепа. Затем он стал собирать с мёртвого скифа украшения и передавать их Ганьке, а тот складывал их в мешок. Гришка усиленно думал о том, что этот мертвец не христианин, и тревожить его в могиле – дело не предосудительное. Но всё равно, с содроганием Гришка снял, разорвав, золотую цепь с шеи покойного. Шея снова хрустнула. Гришкины руки случайно касались сушёной плоти мертвеца. Он не хотел его трогать, но так получалось. Каждая снятая золотая вещь радовала и бодрила Гришку. Теперь он богат! Вот скоро вылезет он отсюда и забудет этот кошмар. И всё-таки труп он ободрал с трудом – его даже пришлось перевернуть набок в гробу, чтобы снять кое-что. Снимая кольцо, оторвал у мумии палец. Так и бросил в мешок вместе с пальцем.

Золота в мешке набралось не мало, он был достаточно тяжёл – отличная добыча! Они обошли погребальную комнату кругом, и заглянули в коридор. Золота больше нигде не было. Было только несколько пустых сосудов, в которых, должно быть, оставили вино для покойного.

Кум Селиван, в волнении, заглядывал в узкий лаз. Каждый металлический звук заставлял его сердце радостно подпрыгивать – там грузили золото! Каждый такой «звяк!» стоил сотен и тысяч рубликов! Это не то, что молотком по жести греметь в осточертевшей мастерской.

Мешок пора поднимать. Кум Гришка ещё раз заглянул в гроб, вдруг чего-нибудь не заметил. Мумия лежала на боку, оскаленным лицом к стенке, как Гришка её перевернул. Голова, таким образом, торчала навесу. И вдруг, прямо на глазах у Гришки, шея мумии опять хрустнула и окончательно сломалась под тяжестью черепа. Голова древнего скифа отвалилась и упала на дно гроба. Гришка вскрикнул в ужасе, и отскочил от саркофага.

– Кум, поднимай нас! – крикнул он вверх, и ему показалось, что во рту он ощутил привкус могильной гнили. Ком тошноты подкатил к горлу, стало противно и телу и душе.

Сверху донёлся голос Селивана:

– Всё собрали? Ах вы молодцы мои дорогие! Потерпите ещё. Вяжите мешок к верёвке. Я его сразу вытащу, а то вдруг оборвётся, так чтоб вы его сразу опять подвязали... А там и вас достану... Лаз узкий... Мешок чтоб прошёл...

Гришка уже обвязывал горловину мешка узлом. Скорее бы выбраться отсюда!

– Готово!

– И лом, кум, лом в узел просунь, а то потом тебя чёрте как в щель протаскивать...

Гришка вдел в узел лом и снова крикнул: «Готово!» Мешок быстро, рывками, поднялся вверх.

Мальчик Ганька тем временем, зажимая нос одной рукой, и держа факел в другой, заглянул в гроб. Спокойно осмотрев содержимое, он отложил факел на край, перегнулся внутрь, и двумя руками достал ржавый меч мёртвого скифа.

Мешок с золотом достиг потолка, там он остановился и долго висел, оперевшись в камень, пока Селиван освобождал его от лома, мешавшего ему пролезть в лаз. Сверху только слышалось:

– Сейчас... сейчас, родные... подождите.

Гришка вдруг подумал: «Да черт с ним, с ломом! Пусть бы валялся здесь. Главное – золото! Только он хотел сказать это, как Селиван уже смог ухватить лом и втащить его наверх. Следом за ломом в щели лаза исчез и мешок с золотом. Гришка и мальчик теперь стояли внизу и ждали, когда спустится верёвка. Через лаз видны несколько звёздочек.

– Кум! – крикнул Гришка, – давай быстрее, огонь уже гаснет, ни черта не видно будет!

Селиван, и вправду, что-то замешкался. На голос Гришки в щели показалась его тень. Он ничего не сказал.

Щель вдруг закрылась куском камня. Это был, видимо, тот камень, который они оттуда же и вытащили. Каменная крошка и пыль посыпались сверху.

– Э! Кум! Ты что делаешь?!.. – крикнул Гришка, и его последнее слово затихло до беззвучия – ужас оледенил его и сковал его горло. Он всё сразу понял! Всё понял! Последнее, что он понял в своей жизни! Ему – конец! Это теперь его могила! Селиван, сатана, обманул его. Он теперь задохнётся здесь, среди мертвецов, которых он ограбил, а золото отдал Селивану, который будет жить. Спазм горла прошёл, и Гришка пронзительно закричал:

– Своло-о-оч! А-а-а-а!..

А с ним заголосил и мальчик, невероятным, звериным рёвом, таким голосом, какого от него никто в жизни не слышал.

Они заживо замурованы в могиле, все ходы засыпаны, и Гришка только бессильно надеялся, что их вопль кто-то услышит сквозь толщу земли.

– Ори громче! – крикнул он мальчику. Мальчик то ли услышал его, то ли нет, но его ор сменил тембр, словно он запел другую песню. Разум обоих пленников был затуманен страхом, и они не соображали, что делают – орать прямо сейчас – это только коварного Селивана тешить, больше никто ночью в степи не услышит. Крики перепуганных людей ещё минут десять будоражили кости мертвецов – скифа и его коня. И вдруг Гришка схватил мальчика за плечи – факелы погасали, и в наступающей темноте он уже еле различал его фигуру – и надорванным голосом завопил ему в лицо:

– Да ты тихо орёшь, щенок! Ори громче, зараза! Как на базаре, сволочь! Там тебя, чёрте куда слышать!

Мальчик снова заорал звонким голосом, но Гришке было мало:

– Громче! Громче, тварь! Да ты тихо орёшь! Нас же не услышат! Мы сдохнем! Ори! Ори-и-и!

Гришка, впавший в свирепость, схватил мальчика за волосы, и принялся другой рукой его бить, куда попало, чтобы заставить кричать сильнее. Сил он не жалел.

– Ори-и-и! Ори-и-и! Убью!

И мальчик орал. Гришка продолжал бить его уже в полной темноте. Он считал, что это очень важно для их спасения, только так можно добиться самого громкого крика, и так увлёкся битьём, что сам перестал кричать. Орал только мальчик. Гришка лупил его и кулаком и ногами.

Но Ганька, наконец, изловчился и грызнул зубами Гришку за палец. Теперь и Гришка заорал злобно, громко и... горько. Мальчика он отпустил, и тот сразу утих. А Гришкин последний вопль постепенно сошёл на затухающий тоскливый вой. Они оба замолчали. В непроглядной тьме снова наступила полная тишина.

Едва смолк последний звук, потерялось всякое чувство времени. Слабые всхлипывания мальчика снова пробудили тишину, может быть через час, а может быть через день. На самом деле, конечно, прошло несколько минут. Гришка, стоящий как истукан в кромешной тьме, с одним отчаянием в голове, шагнул и пошёл вперёд бездумно. Ударившись лицом, он уткнулся в сухую каменную стену. Стену могилы. Трезвомыслие снова вернулось к нему. Оно стало порождать мысли, от которых гадко мутило в животе: он замурован, и задохнётся; Селиван-гад обвёл его вокруг пальца, и он теперь погибает смертью круглого дурака. Он, Гришка, сам полез в свою могилу, и никогда больше не увидит белого света. Но как же так! Неужели нельзя выбраться!? Гришка, шаря руками, побрёл вдоль стены. Угол. Другая стена. Споткнулся о копыта лошади. Опять угол, стена, гробовая плита... Стена – камень-ракушечник, но похоже, дикарь – твердый и плотный. Его бы можно разбить ломом... но Селиван, паскуда, забрал лом, как у дитя конфетку. Просто сказал: «дай», и Гришка, дурак, послушно отдал. Дурак, дура-а-ак! А ведь он нарочно лом у него забрал – Селиван всё придумал заранее, и его, Гришку, приговорил к смерти, ещё когда они раскапывали курган, а может быть и раньше родилась злая мысль. Поганая ехидна!

Спотыкаясь о пустые сосуды, Гришка пошёл по узкому коридору, через который когда-то сюда внесли умершего скифа. В конце он нашарил камни, закрывающие выход. А за камнями ещё толща земли. Он похоронен!

Тут раздался голос мальчика:

– Дядя Гришка... Что делать...

– А... ты, змеёныш, здесь. Знал, знал ты, что он удумал!

– Да откуда я знал? Я сам здесь.

– Знал, не бреш! Думал, он тебя вытащит, он тебе обещал, – что бы я без боязни за тобой полез. Если бы не ты, я бы в эту дыру ни в жизни, ни за каким золотом... А он и тебя надурил, гадёныша, ха-ха-ха...

– Да не знал я ничего, – простонал мальчик. Вслед за этим раздались тупые удары по камню. Мальчик бил по стене мечём покойного.

– Что там у тебя, гадёныш? – закричал Гришка.

– Меч.

– А! Меч!? Дай сюда! – и Гришка быстро пошёл на голос мальчика.

Он наткнулся на него в темноте и грубо оттолкнул, выхватив меч.

– Как бьёшь, бестолочь!? Кладку надо расшатывать!

Тут Гришка окончательно осознал, что находится просто в абсолютной темноте и просто ничего не видит – в его руках был инструмент, но к чему его приложить... Он постоял немного, рассматривая цветные образы, возникающие в его глазах, как это бывает в темноте, и понял, что ничего другого он больше увидеть не сможет. Потом он осторожно потрогал стену рукой. Стены погребальной комнаты были сложены из больших каменных блоков, в рост человека каждый. Такие вывернуть не стоит и стараться. Поспешно он вернулся в коридор, и нашел, что выход был заложен камнями в обхват рук. Нащупав швы кладки, Гришка принялся ковырять в них мечём. Очень скоро ржавый меч сломался пополам, но Гришка продолжал орудовать обломком. Так прошло около часа. Гришка ощупью обнаружил, что шов между камнями стал глубже не на много, но обломок меча укоротился вдвое. Железо меча было ржавым насквозь, и лезвие стиралось быстрее, чем сам камень. Теперь он остался вообще без инструментов. Бессильно ругаясь, Гришка бросил обломок меча, сел под стеной, и злобно заплакал. Мальчик

присоединился к нему, подвывая тоном, каким он привык петь на вокзале попрошайнические песни.

...Нить времени была потеряна, но времени прошло, наверное, не мало – два мертвеца, ещё не умерших, ощутили жажду. Голод пока ещё глушило отчаяние и страх перед страшной смертью. Напрасно они перевернули все сосуды. В них не было ни капли влаги. В могиле было совершенно сухо. Ни одной росинки не выступало на шершавых стенах. Гришка вдруг представил: над его головой – каменный свод, а сразу над ним – всего метр земли и... свобода. Боже, как близко! Он хватался за стены и пытался лезть по ним вверх. Он падал со стены, да и на своде он не смог бы удержаться, если бы добрался туда. Мальчик с его плеч тоже не мог никуда достать, даже если Гришка становился на обломки гробовой плиты. Погребальная комната была слишком высока. Зачем её сделали такой скифы? Покойному князю не всё ли равно?

...Он был в полудрёме, лежал, распластавшись на полу, когда услышал рядом с собой прерывистое дыхание. Маленькая рука осторожно коснулась его ноги. Он успел поднять голову, и тут же маленькое лёгкое тельце обрушилось на его грудь. Мальчик бил и царапал его, пытаясь укусить. Гришка вцепился пальцами мальчику неизвестно во что, а тот ухватил зубами его рубашку и стал жевать. Со звериным рычанием, Гришка оторвал мальчишку от себя и швырнул в сторону. Довольно далеко раздался звук падающего тела, а затем шорох – мальчик уползал подальше, проиграв схватку. Он пытался добраться до его горла, понял Гришка. Это был голод, а не злоба. Гришка предполагал, что прошла уже неделя, которую они, в основном проспали, ожидая смерти. Но смерть не приходила, а пришёл её слуга – голод, он начал готовить обречённых людей к встрече с ней.

После нападения Ганьки, Гришка не мог больше спать, и даже если бы решился, ему бы не дал этого сделать голод. Встав на ноги, Гришка бродил вдоль стен. Мальчик всегда предусмотрительно уползал с его пути, заслышав Гришкины шаги. Вскоре Гришка изучил наизусть всю могилу и мог ходить по комнате и коридору, не держась за стены.

Он закрывал глаза, и видел цветные круги... Он открывал глаза, но цветные круги не исчезали, а становились подвижными, меняли форму, и, увеличиваясь в размерах, становились, вдруг, страшными чудовищными пастьями, в которых, вместо зубов, колыхались острые языки пламени. Страшные пасти разверзались больше, и Гришка видел огненную утробу чудовища, в которой роились такие же огненные пасти, которые тоже раскрывались, увеличиваясь и приближаясь... Так продолжалось до бесконечности, если Гришка просто стоял и смотрел перед собой – его раненное сознание порождало одну и ту же картину. Если бы блеснула хоть искорка света... Но искорки не было, и мозг, лишенный зрения, сотворял чудовищ. Тьма словно выела глаза. Сколько дней уже этой тьме? А от голода голова сходит с ума, в ней роятся безумные полумысли, которые даже невозможно уловить и осознать.

Уже не было сил ходить, Гришка даже не заметил, что он просто ползает на коленях вдоль стен склепа. Цель этого бесконечного обхода не была понятна даже ему самому. Мальчик давно не попадался на его пути, должно быть, он выполз куда то на середину. В который раз Гришка добрался до треснувшей гробовой плиты, и собрался обползти гроб скифа вокруг, но вдруг его рука попала в щель между полом и стеной. Это было случайно, раньше он не попадал туда, но сейчас пальцы провалились в довольно широкое пространство между плитой пола и камнем стены. Он провёл рукой дальше – щель не заканчивалась на расстоянии вытянутой руки и продолжалась дальше. Она возникла при ударе от падения крышки гроба. Но Гришка этого не знал, он только понял, что это не просто промежуток между несколькими камнями, а именно пустое пространство между ними. В него пролазили только пальцы, даже не ладонь, но для обречённого человека эта щёлка казалась просто распахнутыми воротами. Гришка задрожал от возбуждения. Он прощупал всю щель вперёд и упёрся в упавшую плиту. Он отполз чуть назад, и нашёл, что щель заканчивается аккуратно на границе каменной плиты, прилегающей к основанию стены. Кроме того, он обнаружил, что эта самая плита просела почти на дюйм

ниже соседней плиты, от чего, собственно, и возникла щель. Гришка ощупал всю плиту. Она была почти в аршин шириной, просел только тот её край, который заходил под стену, а противоположный край даже чуть приподнялся над смежной плитой. Гришка заполз на плиту коленями, и ему показалось, что она качнулась под ним. Впрочем, может быть, что его самого качает от голода. Он чуть привстал, упёрся в стену плечом, и толкнул ногой высокий край плиты – плита слабо качнулась. Неужели... Он ощупал всю плиту вокруг, убедился что она, действительно, шатается, и замер, в волнении. Неужели её можно вытащить? Гришка пробовал ухватиться за плиту и так и этак, но, всё же, толком поддеть её не мог – щель, в которую можно просунуть руку, была только под стеной. Гришка отыскал обломок меча и принялся расковыривать швы между половыми плитами. Лезвие меча оказалось не ржавым у самой рукоятки, от него осталась внутренняя середина, которая хоть и была вдвое тоньше самого меча, но всё же ещё достаточно прочная. Получился как бы коротенький нож. Он усердно работал, окрылённый надеждой. Препятствием ему виделись только камни, если там дальше земля, то он обязательно дороется до белого света. Он представил себе Селиванову морду, в тот момент, когда он увидит его снова... и теперь уже, точно, в последний раз, гнида! Гришка рыл и рыл, порой отдыхая, восстанавливая потерянные силы. В эти минуты он тихонько стонал от чувства голода, а потом снова хватался за обломок меча. Спустя продолжительное время, он обошёл по кругу всю плиту, на полную глубину лезвия. Теперь бы плиту поддеть и поднять. Он просунул пальцы в разрытые швы, и почувствовал, что плита не толще ширины его ладони. Её можно обхватить и поднять, если... иметь силы. Но его руки и ноги дрожат, его тело истощено. А мальчик? Где Ганька? Он не думал о нём уже много дней. Может, помер пацан.

– Эй, – слабо сказал Гришка. Сухое горло неправдоподобно исказило его голос. Мальчик не ответил, но Гришка услышал другой звук: хруст и шорох где-то рядом, в этой камере. Он пополз на звук, и оказался в груде лошадиных костей. Потом он упёрся в каменный саркофаг. Кажется, звук доносится оттуда. Кроме хруста, он расслышал ещё и слабые звуки человеческого горла, как если бы тихо плакал человек, которому глубоко в рот заткнули кляп.

– Эй!..

Без ответа.

Гришка пополз вокруг саркофага, и вдруг наткнулся на маленькое лёгкое существо из костей и кожи. Это был мальчик, стоящий на коленях. Его тело шаталось из стороны в сторону, он делал что-то непонятное, и, как бы рычал. И вдруг Гришка понял: мальчик ел!

Быстро обхватив мальчика, он нашёл его руки, оторвал их от лица и нашупал то, что было в этих руках: длинный бесформенный кусок чего-то твёрдого, сухого и лёгкого, невозможно понять что это. Какая-то ветка. Он ощупал её всю. На конце ветки что-то торчало. Гришка обшарил пальцами. Это была костяная человеческая ладонь, стянутая засохшими тканями, отвалились только фаланги пальцев. Без ужаса Гришка понял – он держит руку мумии из саркофага. Между тем мальчик снова нашарил в темноте сухую руку и впился в неё зубами. Он мотнул головой, и его зубы оторвали изрядный кусок древней мертвечины. Давясь и всхлипывая, он начал жевать эту гадость.

В потрясённом и шокированном Гришкином мозгу не появилось никакой мысли. Появился сразу готовый результат тех мыслей, которые могли бы взорваться в голове, будь всё происходящее в более благополучных условиях: не видя мальчика в темноте, он ударил наугад, со всего размаху, вложив все силы. Попал неизвестно во что, но мальчик ёкнул, и отлетел, стукнувшись всем своим скелетом в стену саркофага. Ненависть мучила Гришку. Он набросился на обмякшее тело и нашёл горло. Его пальцы сжались, и он почувствовал какую-то конвульсию маленького тела, сотрясающую его снизу. Почувствовав подступившую слабость, Гришка разжал пальцы, но мальчик продолжал биться в агонии. Слабый жалобный стон вырвался из груди мальчика. Страшные судороги рвали его желудок. Ослабевший организм пытался исторгнуть из себя ту падаль, которую он съел. Но она была сухая... И внутри всё было сухо... Мертве-

чина застряла в желудке. Через пять минут агонии мальчик затих. Гришка опять обшарил его и остановил свои руки на горле... Дыхания не было. Несчастный ребёнок умер. Но что Гришка хотел найти? Он сам не мог понять. Горло... Оно ещё тёплое. Кровь... Там кровь! Гришка не заметил, как его зубы впились в шею мальчика сбоку. Он вдруг обнаружил себя жадно сосущим прогрызенную ранку. Из рваной плоти в его рот текла густая солёная кровь, ещё не успевшая остановиться. С каждым глотком у Гришки прибавлялись силы. Первой унялась жажда, тёплая кровь увлажнила гортань. Потом сдался червь голода, терзающий его в животе. Дикое удовлетворение, не радость, не облегчение, а простое удовлетворение от восполнения нужды наполняло Гришку, как животное. Он сосал всё сильнее, но крови шло всё меньше. Остановившееся сердце не толкало уже кровь. Гришка сосал и сосал, а крови уже не было. Наконец он оторвался от трупа. Утолённая жажда, и, немного, голод, дали ему чувство силы, и даже породили мысль, что он непременно вылезет отсюда.

Гришка ползком вернулся к разработанной каменной плите. Он снова поддел её пальцами и рванул её вверх. Сил у него оказалось меньше, чем ему казалось после еды, но плита качнулась так, как будто она не лежала на сплошной плоскости, а опиралась своей серединой на какую-то точку. Гришка попробовал ещё раз и убедился, что плита качается подозрительно легко. Хорошо бы её так же подтянуть с другого края, но там мешал обломок крышки саркофага, который упал на тот край плиты. Но, тем не менее, упавшая крышка не мешала плите шевелиться. Похоже, что под ней действительно была пустота. Гришка продолжал качать плиту, но поднять её не мог. Гришка уснул, обессиленный, упав на плиту...

Но спал он не долго. Голод всё так же мучил его и не давал отдохнуть. Едва проснувшись, он сразу вспомнил про плиту и опять обшарил все разрытые щели. Должно быть, выпитая кровь, всё-таки придала ему сил: отчаянным рывком он смог выдернуть плиту из кладки пола за один конец, и она так и осталась торчать, провалившись куда-то другим концом. Образовалась большая щель, в которую Гришка немедленно засунул руку по самое плечо. Рука нащупала бесформенную каменную поверхность, вертикально уходящую почти вниз. Это уже не была каменная кладка, а, похоже, разлом породы. Гришка пошевелил рукой и достал до другой стороны этой пустоты – она была такая же изломанная и кривая. Уже много дней в полной темноте, отвыкнув видеть, Гришка научился хорошо представлять осязаемые предметы. Его рука, просунутая под плиту, словно видящий глаз, нарисовала ему вид широкой трещины в камне, которая уходит вертикально вниз, и дна её не видно...

Сильный приступ голода, снова помутил его разум. Как хочется есть. Есть, и больше ничего не надо. Даже свободы...

Как это бывает у сильно голодных, он надеялся, что, чудесным образом здесь где-то затерялась корочка хлеба. Он пополз по камере, и, в конце концов, приполз к саркофагу. В отличие от того голодного, который только надеется найти кроху еды, Гришка точно знал, что он здесь найдёт. Под его руками оказалось тело мальчика. Вот его костлявая рука. Предплечье... Гришкины зубы вонзились в остывшее мясо, прокусив кожу.

...Гришка снова возвратился к своей плите. Во рту отвратительный вкус. Даже голод – лучшая приправа к любой пище – не улучшил его. Он ел руку мальчика в одном месте, пока не добрался до кости.

Борьба с плитой продолжилась. Он качал её во все стороны, в какие только было возможно, и плита потихоньку меняла своё положение. Но Гришка в темноте не мог этого замечать и ему все усилия казались бессмысленными. Он всё время хотел бросить это мучительное занятие, но стоило ему остановиться, как темнота начинала осязаемо облапывать его своими щупальцами, и ужас прошибал его как электричеством, и он снова, из последних сил, бросался на плиту, и возился с ней, словно бежал от этой темноты. Тогда темнота как бы расступалась вокруг него – у Гришки создавалось впечатление, что он видит – видит руками. И он снова

и снова бессмысленно раскачивал плиту и ползал по ней. В один из моментов расслабления, когда ужас не успел охватить его, он опять заснул.

После сна, потерянные силы снова заставили его искать еду. Его сон и сном назвать невозможно – какой-то провал в бездну. Находясь в этой чудовищной темноте, он словно всё время был во сне. Ему снился этот незримый кошмар. Поэтому к своей прежней пище, брошенной у саркофага, он возвращался без содрогания и протеста. Ведь это же сон.

Первой он нашёл сухую руку мумии. Трогать мальчика он... постеснялся. Странная и единственная эмоция, которая возникла у него в этих безумных обстоятельствах – ему стало неловко перед мёртвым мальчиком. Он ведь откусил от него кусочек. И тот не возражал. Наверное, не надо злоупотреблять... Это был сброд мыслей выжившего из ума человека. Гришка откусил несколько кусков тысячелетнего мяса мумии. Оно было, как сухое дерево. Вкуса он не чувствовал. Его язык уже не интересовал никакой вкус. Превыше всего был голод. Древняя мертвечина не разжёвывалась и застревала в горле, у него заболели челюсти. Он отбросил руку мумии в сторону, и начал усиленно проглатывать откушенные куски. Это было мучительно...

Извиваясь, как червь, пытаясь такими движениями протолкнуть внутри себя застрявшую пададь, Гришка приполз обратно к плите. Он снова принялся делать одно и то же, повторяя это бесчисленное множество раз – расшатывать плиту и просовывать руку в щель между плитой и стеной, – он качался на плите, как маятник, потом ложился на неё, и засовывал в щель руку по самое плечё, потом снова качался, и снова лез в щель...

Вскоре он мог уже втиснуться в этот провал не только по плечо, но и по самую лопатку, упираясь в стену головой – плита значительно выдвинулась из-под стены и щель стала шире, да и сам Гришка сделался тоньше. Потом в щель поместилась и голова. Но Гришка в тот момент не понял и не осознал этого. Голод в желудке отозвался тупой болью, его сверлила окаменевшая мертвечина, и он, ударяясь головой о камни, стал выбираться из щели обратно, чтобы опять вернуться к недоеденной мумии. Он снова грыз сухое мясо, но уже не смог откусить ни кусочка – предыдущий «обед» не дал ему никаких сил, это был просто неперевариваемый мусор.

Он возвращался к своей дыре в полу, и, с каждым разом проваливался в неё всё больше и больше. Однажды он не смог вылезти из неё обратно, потому что торчал в ней уже по пояс, и у него не хватило сил вытащить себя оттуда. Ничего не понимая, Гришка стал двигаться туда, куда легче, то есть вниз, в щель. О своей цели – выбраться на свободу, из могилы – он уже забыл; то, что он делал, он делал автоматически, лишь бы делать, чтобы чувствовать себя живым. Теперь он оказался в каменной трещине, весь, полностью, вниз головой, и обратного пути уже не было. Слабо шевелясь, он постепенно проваливался вниз. Камни, между которыми он просачивался, терли и били его, иногда он резко проваливался вниз на фут, на два, и больно ударялся своими костями. Ему казалось, что он попал в глотку дьяволу, и тот проглатывает его, давясь, точно так же, как Гришка давился кусками мумии. Сам он стал земляным червём, самым настоящим. Он весь сросся с этой землёй, она набила во все его поры. Он даже не замечал, как иногда ел каменную крошку... Глаза его теперь вообще ничего не видели, даже фантомные образы разверзающихся огненных пастей, как это было раньше. Он вообще не чувствовал, что у него есть глаза.

...Гришка понял, что висит в пустом пространстве. Руки свободно болтались внизу, и ни к чему не прикасались. Он слабо шевельнул всем телом и вдруг стремительно полетел вниз. Тут же сильный удар о камни остановил его падение, а несколько ударов сверху заставили его замереть в обмороке – то были несколько кусков камня, упавшие следом за Гришкой, прямо на него. Когда он очнулся, кругом ощутился простор и удивительная свежесть, от которой Гришка словно опьянел и даже взбодрился. Поверхность под ним была грубая и неровная. Он понял, что находится не в могиле скифского князя, а совершенно в другом месте, и сюда он попал через ту самую дыру, которую раскопал под плитой. Его потухающий разум не испытал

от этого никаких эмоций, потому что его тело продолжало мучиться голодом и болью, кругом была всё та же чёрная темнота, и полная тишина. Он с трудом приподнялся и попытался сесть, но тут же упал навзничь. Так он пытался сделать несколько раз, пока его спина вдруг не нашла опору – грубую каменную стену. Оперевшись на неё, Гришка уснул.

Проснулся он оттого, что по его правой руке что-то лезло. Какое-то маленькое тёплое существо тихонько ползло по рукаву его рубашки, поднимаясь к плечу. Гришка шевельнулся, и существо стало спускаться обратно, видимо, испугавшись. Гришка замер, не дыша. Маленькое тёплое тельце оказалось на его ладони... Не задумываясь, он сжал пальцы, и пойманное существо забилося в его руке. Несмотря на слабость, он сжимал пальцы всё сильнее и сильнее, пока не убедился, что зверушка схвачена надёжно. Потом он поднёс её ко рту. Это был маленький крысёнок. Он извивался в его руке, пытаясь вырваться. Тёплый, мягкий... Гришка вонзил в него свои зубы, и принялся есть крысу, даже не дав её умереть. Пожираемый зверь страшно орал, и все крысы, собравшиеся вокруг (Гришка об этом не знал), в ужасе разбежались от этого чудовища.

Он опять потерялся во времени и пространстве, а когда очнулся, с трудом поднялся на ноги и пошёл по бесконечной пустоте, всё время натываясь на какие-то каменные стены по бокам.

Долго ли, коротко ли, но впереди вдруг забрезжил слабый свет, впервые увиденный Гришкой, наверное, за вечность. На фоне этого света возникли несколько человеческих фигур, повергших Гришку в немой парализующий ужас, ибо, кроме демонов, он никого больше увидеть не ожидал. Но человеческие фигуры, приблизившись к нему, вдруг издали многоголосый вопль ужаса, и бросились бежать. Гришка тоже шархнулся от них и снова оказался где-то в непроглядной тьме. Он опять брёл, спотыкаясь и натываясь на стены.

Из подземелья он вышел ночью, через какой-то забытый проход на поверхность. Место, из которого он выбрался, было лабиринтом подземных каменоломен. Здесь добывали строительный камень сотни лет, и под степью было множество заброшенных и запутанных коридоров. Когда-то давно один из них пробил недалеко от поверхности земли прямо под курганом скифского князя, о чем каменотёсы совершенно не подозревали. Но через сотню с лишним лет, под тяжестью кургана, каменный свод коридора просел, и образовалась та самая трещина, через которую выбрался Гришка из могилы. Упавшая гробовая плита открыла ему этот ход.

Страшный, как смерть, он брёл по степи на полусогнутых ногах. Каждая звезда на небе колола ему глаза, как иголка – свет, от которого он отвык, причинял ему боль. И Гришка шёл с закрытыми глазами, падая иногда на колени, и снова, с трудом поднимаясь. Этот земляной червь шёл совершенно без цели, пытаясь движением притупить боль, которая мучила его изнутри. Бездумно он рвал любую траву на своём пути и запихивал её в рот. Но трава застревала в горле, его желудок был полон землёй и нечистотами. Он жевал траву, выжимая из неё сок, чтобы напиться.

Он кружил по степи, потому что никакой дороги у него не было. Проблески человеческой мысли позволяли ему вспомнить, что было с ним в склепе, в котором он провёл около месяца. Но чем больше он вспоминал об этом, тем меньше оставалось в нём разума. Последняя его искра погасла, когда несчастного рвало землёй с мертвечиной...

Гробокопатель был жестоко наказан за своё преступление – он превратился в животное, он мечтал есть с серебра дорогие яства, а стал пожирателем дохлятины.

Сразу в двух местных газетах – «Полицейские Приморские Сведения» и «Портовские Ведомости Уезда» появилось это сообщение:

«...июля, сего года конный раз'езд полиции задержал въ окрестностяхъ нашего города невменяемого человека, который, по описаниямъ крестьянъ и горожанъ, сходень съ «хаджибурунскимъ призракомъ», коего начали замечать уже неделю въ степяхъ и лесистыхъ местахъ

окрест нашего города. Ничего о себе человек сообщить не может, какъ, впрочемъ, и не единого слова ни на какомъ языке. Человекъ сильно боленъ желудкомъ, и, похоже, смертельно. Главный врачъ земской больницы утверждаетъ, что такое совмещение помешательства и болезней органовъ скорее всего закончится для несчастного летально.

Въ командахъ иностранныхъ судовъ, стоящихъ въ нашемъ порту, коимъ человекъ былъ предъявленъ въ первую очередь, сего несчастного за своего не признали. Посему обращаемся къ гражданамъ нашего города и уезда съ просьбою опознать этого человека на предметъ того не родственникъ ли онъ чей или знакомый. Приметы...»

Сумасшедший человек-призрак, найденный полицией, находился в отдельной палате земской больницы. Его глаза были безумны, движения бессмысленны, и от него исходил ужасный запах, несмотря на то, что санитары мыли его с хлоркой. Вёл он себя тихо, и этим усыпил бдительность стерегущих его санитаров: однажды ночью он исчез из больницы.

Не только сообщение в газетах, но и народная молва рассказала всем о том, что поймав человек, до икоты напугавший рабочих каменоломен. И вскоре в больницу пришли два человека, а потом ещё один. Первыми были престарелая мать с дочерью. Они искали своего сына и брата, исчезнувшего больше месяца назад. Спрашивали, не называл ли себя найденный человек Григорием Сениным. Но им сказали, что он никак себя не называл, и уже скрылся, сбежав. Словесный же портрет потерянного пациента был настолько ужасен, что в этом описании никогда никто не смог бы опознать никакого человека. Мать и дочь ушли в разочаровании и огорчении.

Другой же человек, средних лет мужчина, пришедший позже, говорил, что подозревает в найденном сумасшедшем своего родственника, и тоже назвал его Григорием Сениным. В отличие от матери и дочери, он не просто расстроился, а прямо таки испугался, когда узнал, что тот сбежал. Так показалось врачам. Мужчина немедленно ушёл. А врачи сделали важный вывод: их сбежавший пациент, скорее всего, и был Григорием Сениным.

А вскоре новое происшествие взбудоражило весь город. В своём доме был убит ремесленник Селиван Водников. Неизвестный убийца разворотил ему живот ножкой стула, до самого позвоночника, нанеся, по крайней мере, пол сотни колющих ударов. Когда тело привезли в больничный морг, врачи немедленно опознали в убитом того самого мужчину, который приходил за «хаджибурунским призраком», и страшно испугался, когда узнал, что тот сбежал. Маска ужаса запечатлелась и на мёртвом лице.

Сопоставив факты, полицейский следователь выдвинул версию, что Селиван Водников был убит загадочным пациентом – Григорием Сениным, «хаджибурунским призраком», которого и след простыл.

Он никогда не был найден. И что с ним случилось до и после, никто так и не узнал.

Глава 2

~ начало новой жизни ~ Лерыч и дядя Валик ~ «А ты почему один?» ~ колбасит! ~ наши планы: археологические раскопки ~ выезжаем к морю ~ домик по проекту Ниф-Нифа ~ ... и непонятно, при чём тут первая глава.

На вокзале начинается новая жизнь. Она появляется вдалеке, в том месте, где ниточки рельсовых путей сходятся в одну точку, или убегают за поворот, скрываясь за углом вагонного депо. Новая жизнь прибывает с поездом, из которого выходят люди, некоторые из них встречаются именно с тобой, и – вот она! – началась новая жизнь.

Или же ты сам садишься в поезд, прежде прождав его в сладком предвкушении; вагон трогается и с этой секунды ты – младенец, едва появившийся на свет, за окном поехали твои первые минуты пребывания в новом мире. Не знаю, как с кем, а со мной происходит именно это, если я куда-то еду или кого-то встречаю. Пусть кто-то скучает на вокзалах, маясь в ожидании, но для меня на вокзале интересна каждая минута, даже если мне совершенно нечего делать. Ведь я же жду! Мы все, в повседневной жизни, привыкли ждать конца чего-нибудь. Но я же жду не конца, а начала! Начала той самой новой жизни, которая приходит с людьми, приехавшими к тебе. Счастливы те, кому часто приходится встречать кого-нибудь на вокзале – они каждый раз рождаются заново, они вечно молоды и не успевают стареть. Это эликсир бессмертия!

Мне такая радость выпадает раз в год. В начале каждого лета, в течение июня (ну, редко, в июле) приезжают на отдых наши родственники из экс-Ленинграда, то есть, из Санкт-Петербурга. Их состав может быть разный, но среди них всегда неизменно присутствуют двоюродный брат моей мамы дядя Валик и его сын Валера, называемый просто Лерыч. Иногда только они, двое, и приезжали, как и в этом году. Дядя Валик возит к нам Лерыча отдыхать на море в летние каникулы. Сам дядя Валик человек не последний в своём деле: он сотрудник серьёзной радиохимической лаборатории, и, кроме того, он преподаёт химию радиоактивных элементов в университете. Его ценят, как разностороннего специалиста, всегда идут ему на встречу, и предоставляют отпуск, преимущественно, летом. Исключение с отпуском составляло лето 1986 года. Накануне, в апреле, взорвалась Чернобыльская атомная электростанция, и дядя Валик с утра до ночи не выходил из лаборатории, занимаясь анализами проб грунта, воды, воздуха, древесины, стройматериалов, и прочего, что привозилось во множестве оттуда, почти весь год. А так, вообще, Лерыч ежегодно доставляется к нам оздоравливаться, на Чёрное и Азовское море, так как с раннего детства Лерыч был очень болезненным, и отец решил навсегда избавить его от хилости, пока он ещё растёт и не поздно изменить все «настройки» его организма. В будущем он больше не будет маяться соплями и худосочностью. Главное – не забывать приезжать к нам летом. Из года в год Лерыч выглядел всё больше молодцом. Может быть, он просто вырос, а может быть, и правда, ежегодные морские каникулы делали своё дело. Но главное то, что дядя Валик, видя результат, привозил Лерыча (и себя) снова и снова, и я этому был очень рад. Они – самая лучшая компания, которая может приехать из Питера.

Пока мой дед читает газеты на лавочке, я меряю шагами перрон и поглядываю на часы. Мои нервы явно не на месте. Всё вокруг кажется особенным. Здание вокзала – фантастическое (40-х годов, с колоннами), все вокзальные детали (от скамеек до часов на столбе) – мистические принадлежности. Мусорные урны выстроились как почётный караул. Через пятнадцать минут я буду здесь рождаться заново. Хочешь, не хочешь, а приехавшие гости будут оценивать тебя такого, каким ты стал спустя год. И я, волей не волей, буду стремиться показывать в себе лучшее, что удалось за этот год в себе воспитать, буду следить за собой, и подавлять те повседневные недостатки, которым давал волю весь год, даже не обращая на это внимания. За месяц

пребывания гостей это войдёт в привычку, и до их отъезда во мне умрёт ещё одна порция недостатков. Они уедут, а я останусь здесь немножечко новым человеком. В этом и заключаются мои ежегодные новорождения.

Послышался гудок поезда, и моё сердце загудело в ответ. А вот появился и он сам. Рельсы, сияющие на солнце, протянулись от него к моим ногам, как два луча. Поезд всё ближе и ближе, а мне дышать всё труднее и труднее. На перроне стало вдруг многолюдно – это отовсюду повыходили встречающие, до того скрывавшиеся от солнца внутри вокзала и других местах. Рядом появился и мой дед.

– Голову, – говорит, – не высовывай, как жирафа, а то тепловозом собьет. Кстати, какой там вагон с хвоста поезда?

– Пятый, – отвечаю.

Роды новой жизни состоялись ровно 18:52 – дядя Валик и Лерыч вышли из вагона. Оба вытащили по большой сумке с вещами. Впервые сумка Лерыча не уступала по размерам сумке отца. Раскабанел Лерыч! А дядя Валик всё такой-же – лицо в обрамлении бакенбардов и короткой бородки.

Выкрикивая приветствия, мы все перехлопали друг друга по плечам и пережали друг другу руки. Лерыч жал не сильно, но профессионально. Крепчает!

Классические вопросы: как доехали – отлично, как дома – холодина, но все здоровы, как работа и учёба – да ну их... мы отдыхать приехали. А как здоровье (это к деду) – то оно нас, то мы его...

А потом дядя Валик посмотрел на меня серьёзно и спросил:

– А ты почему один?

Я нутром чувствую, что он собирается пошутить, но не пойму, как.

– То есть, как, почему один? – отвечаю я, и смотрю на деда, с которым я, вроде как, не один.

– Поссорились, наверное? – сочувственно спросил дядя Валик.

– Да с кем, дядя Валик?

– Как с кем? С девочкой.

– Какой девочкой?

– Со своей. У меня в твоём возрасте была девочка.

Я растерялся.

– Нет у меня никакой девочки.

– Нет? Димыч, да тебе сколько лет?

– Семнадцать.

– Здоровый лось, выглядишь аж на восемнадцать! И нет девочки!

Лерыч захихикал. В его возрасте 12-и лет сия тема была однозначно предметом насмешек.

– Да нужны они сильно! – смущённо потупился я.

– Что значит «нужны»? Их что, много? Я про одну говорю, а ты – нужны! Ого!

– Да нет, я, в общем и целом.

– Короче – демагогия! – обрубил дядя Валик. – В общем и целом! Оратор! Чтоб в следующем году была девочка!

С дядей Валиком не соскучишься. И с Лерычем тоже. Сладко вспомнить, как в прошлом году, в последний день (до отъезда 6 часов) я выиграл у Лерыча сложнейшую шахматную партию. А Лерыч супротив меня шахматист сильный – на компьютере тренируется. Да и со мной тоже не загрузишь – я всегда готов участвовать в любых безобразиях с разумными рамками.

Мы сели в такси и поехали, как короли. Ехать нам на другой конец города. А город у нас длинный, вытянутый полукольцом вокруг огромной морской бухты. Пока доедешь, много чего увидишь. Дорогою мы знакомимся с новым «крутым» словечком Лерыча. У него каждый год

в лексиконе появляется этакое любимое слово, которое всё время вертится на языке, по поводу и без повода, означающее всё, что угодно, в зависимости от обстоятельств. В прошлом году он щеголял словом «забой!», выражая им любые крайности во всём. Уехал, кстати, со словом «амба!» – у меня набрался. Позапрошлым летом это был «улёт!». В иные годы были классические «ё-моё!» и «гаплык!». В этот раз у Лерыча новый перл: колбасить!

От всего, что происходит сверх меры, Лерыча колбасит. В поезде, когда проехали Джанкой, его колбасило от жары. От мороженого на вокзале его тоже колбасит. А от планов на это лето его колбасит больше всего! («Переколбасило» – поправил дядя Валик, ибо Лерыч просто бредил одним запланированным мероприятием.)

Планы, действительно, были замечательные. В этом году, на летний сезон, в окрестности нашего древнего города, прибывает археологическая экспедиция из Санкт-Петербурга, на раскопки античных городищ. Это само по себе не удивительно. Каждый год у нас тут работает много археологов и из Питера, и из Москвы, и наши, крымские.

Но ту экспедицию, о которой идёт речь, привозит друг дяди Валика, учёный из Питера – антрополог и археолог Андрей Данилович Садиков. С ним дядя Валик знаком на почве долгого сотрудничества. Садиков в своих экспедициях добывал много различных образцов древних костей и сопутствующих пород, а дядя Валик, методом радиоуглеродного анализа, определял их возраст. Дядя Валик с Садиковым не раз «перемывали кости» древним людям и вымершим ящерам в питерских лабораториях. Теперь же они имели возможность встретиться у Садикова «на работе» – первый раз Андрей Данилович приехал копать туда, где отдыхает дядя Валик. Когда он узнал об этом, то пригласил друга в гости, вместе со своими спутниками. Нас теперь ждут на настоящих раскопках. Новая жизнь в этом году насыщена, как никогда. Меня, как Лерыча, колбасит!

Прошло три дня – время, выделенное дядей Валиком на акклиматизацию Лерыча. За эти дни он якобы уже познакомился с местными микробами и может спокойно съесть любую невымытую случайность. Сам дядя Валик обошёл с визитами вежливости всех своих здешних знакомых, а мы с Лерычем смастерили себе каждый рогатку и тренировались за сараем в стрельбе по банкам. Досталось также и воронам, которые нагло обклёвывают черешню в нашем саду.

Наступил долгожданный понедельник – старт нашего активного отдыха, и мы встретили его на автобусной остановке. Всё было готово заранее: консервы, сухие продукты, вода и фрукты. У Лерыча – тайно спрятанная рогатка и фотоаппарат в жёлтом рюкзаке. У меня тоже рогатка, и ещё дневник. С некоторых пор я решил, что человеку, у которого в голове возникают какие-то мысли, уже влияющие на его действия и жизнь – а это, как раз, про меня, не мешало бы записывать эти самые мысли, и всё с собой происходящее. Я уверен, что так надлежит поступать людям, знающим себе цену, и цену своим мыслям; их следует сохранять на бумаге для дальнейшего обдумывания и самосовершенствования. Сейчас эта тетрадка, пока, пустая. Но пройдёт время, и кто-то, уж не знаю кто, когда-то, будет ценить каждую её страницу. Пока же таких ценностей там только половина первого листа. Первая запись выглядит так:

«22 июня. Собираемся в дорогу, в степи. Оружия не берём, поскольку, во-первых, у нас его нет, а во-вторых, лучшее оружие – это разум. Надеемся, его придётся применять только в мирных целях. Выходим на остановку...»

Признаюсь, эту коротенькую запись я сделал просто потому, что очень уж не терпелось начать дневник.

Ладно, что там у нас дальше? Дядя Валик взял с собой большую банку кофе – он заядлый кофеман. У каждого при себе перемена одежды. Продукты распределены между всеми поровну. Можно стартовать.

Автобусом мы должны добраться до Маяков – так называется район береговой линии, протяжённостью около 15 километров между двух мысов с маяками. В этой полосе берега расположено несколько зон отдыха, с хорошими пляжами. Примерно в 10 километрах от берега, вглубь полуострова, стоит лагерь археологов, где работает команда Садикова. Дядя Валик предварительно созванивался с ним и уточнил где его искать. Точных ориентиров нет, но других экспедиций в этом районе тоже нет, поэтому отыскать их можно будет, если не лениться взбираться на высоты (рекомендация Садикова).

Мы сели, точнее, вдавились в автобус №1. Автобус был забит людьми, словно он был единственный в городе, и в этом году, идущий на Маяки. Мы бурчали себе под нос что-то вроде: «неужели им надо ехать прямо сейчас, нельзя попозже!...», но любой из пассажиров имел право подумать то же самое и про нас. Мы были лучше только тем, что у нас была, пожалуй, самая маленькая ручная кладь. Все остальные тащили с собой огромные баулы, гружённые средствами отдыха: едой и палатками; и этот багаж занимал всё свободное место под ногами. Сами пассажиры тоже заполняли собою все свободные пространства в «Икарусе» – они сидели по трое на одном сиденье, стояли, и висели на поручнях, как гроздь бананов. Мы же оказались зажаты в угол, у задней двери, оперевшись на свои три сумки, поставленные друг на друга.

Когда двери автобуса, наконец-то, смогли закрыться, автобус тронулся с места, и все привычно сгруппировались, приготовившись к тряске и качке.

В салоне собрался настоящий интернационал: откуда-то доносился акающий говор москвичей и речь западноукраинцев, где-то слышались белорусы и переговаривались то ли чехи, то ли поляки. Кроме того, вся публика сильно отличалась по срокам пребывания на южном отдыхе. Одни были ещё бледно белые, недавно вылезшие из северной тени; другие слегка темнее, из тех, что уже побегали несколько дней по городу; а другие были уже, так сказать, готовы, потому что дальше уже некуда загорать, дальше идёт только стадия золы и пепла.

Проехав какое-то расстояние городом, мы выехали за его пределы, и автобус помчался по широкой загородной дороге, проезжая мимо дачных застроек и степных ферм. Вдали показалось сине-зелёное дымчатое море. По мере приближения, его ширь разворачивалась перед нами всё больше, растягиваясь от северного горизонта до южного. Эта панорама не шла ни в какое сравнение с маленькой городской бухтой-лягушатником.

Мы проехали ещё несколько остановок, и приехали на последнюю, которая, собственно и называлась «Маяки». Отсюда отдельная асфальтированная дорога вела к базам отдыха. По замыслу дяди Валика, мы должны будем снять номер или домик на одной из зон на неделю. А оттуда мы будем ходить в гости на раскопки к другу дяди Валика. Практичная мысль. Конечно, сами археологи живут прямо в степи, в палатках. Ну а нам где жить? Палатки у нас нет.

Лагерь археологов находился достаточно далеко – за мысом Хаджи-Бурун, поэтому снять себе жильё мы отправились на самую крайнюю базу – «Азовскую волну». От неё, как раз, и будут те самые 10 километров до лагеря – почти два часа ходу.

Мы люди не притязательные, настроены на походно-кочевую жизнь, и потому жильё сняли самое не дорогое. Таковыми были старые дощатые домики, размером три шага на четыре, построенные, видимо, по проекту поросёнка Ниф-Нифа. Мы поселились в одном из них, недоумевая, зачем на его дверях висит замок, от которого нам дали ключ – домик можно разложить, как картонную коробку из-под телевизора, наверное, просто расшатав его стены. Внутри этого обиталища было три кровати и маленький стол. Общая кухня находилась где-то на территории базы. Быстро разобравшись с бытом, мы начали отдыхать.

Купаться на песчаных пляжах открытого моря несравненно приятнее, чем в городских бухтах, закрытых со всех сторон постройками. Там песок похож на бог знает что, а не на песок, из-за мусора и морской травы, которой некуда деваться после штормов. Здесь же море здоровее

и чище. Мы с Лерычем наплескались от души. Плавать Лерыч стал заметно лучше, но всё равно меня ему не обогнать.

Ближе к вечеру мы с аппетитом съели наш ужин, и набили животы помидорами с яичницей до такой степени, что впервые за день почувствовали: в воду мы сегодня больше не хотим. С полным животом плавать – не то удовольствие. Теперь мы разместились на скамейке, недалеко от нашего домика №51, созерцая море, и дядя Валик рядом с нами устроился с чашкой ароматного кофе.

– Колбасит! – сказал Лерыч, – совсем не то, что в городе. В городе что – много людей и мало моря. На пляж выйдешь – одни спины лежат.

– И в воде, как в автобусе в час пик, – подтвердил дядя Валик, – напоминает общественную душевую, или солдатскую баню.

В его голосе не было недовольства, которое следовало бы изобразить под сказанное. Его голос урчал по-кошачьи. Ещё бы – он пил кофе! Кофе делает дядю Валика добрейшим человеком и философом.

– Да, – продолжил Лерыч, – а здесь всё наоборот: очень много моря и совсем мало людей. В общем, позитив полился рекой. Отдых начался удачно.

Глава 3

~ поиски лагеря. Мы ищем не одни ~ лагерь Садикова ~ о «чёрных археологах» ~ обед в полевой столовой ~ раскопки- 1% на успех ~ мы записались в археологи ~

Ранним утром, пока не нагрянула жара, мы вышли из нашего домика и закрыли его на ключ. Свежий морской ветерок бодрил нас и настраивал на приятный поход. Мы быстро выкупались в море, зарядившись хорошей энергией проснувшейся воды, и отправились в путь. Заранее заготовленные бутерброды мы жевали на ходу – наше нетерпение было настолько сильным, что мы не хотели задерживаться и двух минут на завтрак. Только дядя Валик успел спокойно, за столом, выпить крепкого кофе, для чего он проснулся на 15 минут раньше нас с Лерычем.

Уже по пути дядя Валик созвонился с Андреем Даниловичем и выяснил, что нам, если нравится, придётся добираться до лагеря археологов своим ходом. Вчера предполагалось, что нас подберёт на степной дороге «Нива» из скромного автопарка экспедиции. Но у машины с утра оторвалась какая-то штуковина – то ли ремень, то ли провод, или что там ещё может отрываться – и машина не в состоянии ездить. А вторая машина – «Волынь» – укатила рано утром в город, и будет ехать назад часа через три, четыре. Ждать нам, конечно, не хотелось, и мы отправились в путь на своих ногах. Но проблема не в том, что нам предстояло добираться своим ходом, а в том, что нам теперь надлежало самим разыскать лагерь. В помощь нам Садиков дал оригинальный ориентир. Над восточным горизонтом виднелось два кучевых облака; если промежуток между ними поделить на две равные части, то лагерь Садикова будет прямо под левой частью.

– Считаю, что я тебя нашёл! – ответил на эту подсказку дядя Валик и спрятал телефон. Он внимательно посмотрел вдаль и скомандовал:

– Парни, курс правее вон той тёмно-рыжей полоски травы. На облака не смотреть, они сейчас поменяют своё положение.

И мы двинулись прямо через степь. Лерыч по пути пытался активно разговаривать, рассказывая какие-то свои байки, но постепенно притомился и, вскоре, тоже шёл молча, как мы с дядей Валиком. Теперь, от нечего больше делать, он активно крутил головой во все стороны. Мы шли уже минут сорок, и внедрились достаточно далеко в степь. И вдруг Лерыч остановился как вкопанный и радостно протянул руку вперёд.

– Люди! – воскликнул он. – Это, точно, они!

Лерыч своими зоркими глазами действительно рассмотрел метрах в двухстах двоих людей. Они шли по степи, петляя по какой-то, только им видимой, дороге, и на их плечах были, кажется, лопаты. Никто здесь не сажает огороды, так что это, точно, археологи!

Мы пошли в сторону этих людей, и сразу попали в низину, где потеряли их из виду. Очень скоро мы достигли того места, где проходили эти двое с лопатами, но их мы там, конечно, не застали. Теперь нам пришлось идти в ту сторону, куда шли они, когда мы их видели. Будь мы индейцы, мы бы, несомненно, нашли бы множество следов, которые бы, как по ниточке, повели бы нас прямо за прошедшими людьми. Но мы не индейцы, мы современные европейцы, которые без указателя не могут найти нужную дверь, не то, что след в степи. Что бы долго не петлять, мы опять взобрались на возвышенность, и огляделись. Теперь их увидел дядя Валик:

– А вот они, ребята, идут прямо по прямой, не взирая ни на какой рельеф местности!

Действительно, двое с лопатами, взбирались на другой холм, совершенно не понятно, зачем. Никакого лагеря вокруг видно не было. Они не стали выбираться на самую вершину, а остановились, не доходя до макушки холма, и стали, как бы выглядывать из-за неё, словно

из укрытия. В их действиях явно просматривалось поведение таящихся людей. Конечно, нас это заинтересовало, и мы стали сами наблюдать за ними. Теперь, будучи поближе, нам было видно, что у одного из мужчин была лопата с коротким черенком, а у другого просто палка. Тот, что владел этой отличной палкой, поднял к глазам бинокль, и стал наблюдать за чем-то в степи. Он прекрасно знал, куда смотреть, потому что не шарил биноклем по сторонам, а смотрел в одну точку. Мы знали точно: археологи так исторические ценности не выискивают, они их раскапывают.

После коротких переговоров, оба мужчины слезли с вершины по той же стороне, по какой на неё залезли, но, обойдя холм, продолжили свой путь в ту же сторону, в какую смотрели с холма. Такое партизанское поведение нас удивило. Мы тоже решили не выдавать этим неизвестным товарищам своего присутствия. Едва они скрылись, мы быстро спустились со своего холма, и вскоре взобрались на ту высоту, с которой они осматривали степь. И опять мы увидели их, крадущихся в степных ковылях. Вглядевшись в ту сторону, в которую они шли, мы, кажется, тоже что-то разглядели. Похоже, это были силуэты палаток. Ничего подобного в степи больше не виднелось.

– Вот, кажется, и лагерь, – сказал дядя Валик, – Но эти двое мне абсолютно непонятны: они, ясно, как и мы, ищут лагерь, но со странными предосторожностями. Вот что, ребята, в контакт с ними вступать не надо. Если попадёмся друг другу на глаза, делаем вид, что увидели их в первый раз, понятно?

Нам было понятно. Мы отправились в направлении виднеющихся палаток, за двумя подозрительными мужчинами. И то и другое мы сразу потеряли из виду, спустившись вниз, но, главное, мы знали в какую сторону идти.

Мы прошли, должно быть, половину расстояния до лагеря, и оказались у основания ещё одного холма. Невозможно было на него не взобраться, чтобы как следует не осмотреться. С его вершины мы увидели группу разноцветных палаток и две машины среди них. Был заметен большой брезентовый навес, растянутый на нескольких столбах. Дальше, за лагерем, светлым песчаным пятном, выделялась разрытая земля. Раскопки. А чуть ближе к нам, мы снова увидели тех самых непонятных мужчин. Должно быть, они недавно слезли с этой же вершины, и теперь присели в траве, снова рассматривая лагерь в бинокль. Мы смотрели за ними, притаившись за выступами холма, и ждали, что же будет дальше. Как по мне, так это игра очень увлекательная, вот только, игра ли это?

Наблюдатели не двигались, продолжая следить за лагерем. В лагере только иногда можно было видеть движение человеческих фигур.

– Пожалуй, хватит, – сказал дядя Валик, – Спускаемся с бугра и идём в лагерь в обход. Не будем себя выдавать этим любопытным, они могут понять, что мы шли по их следу. Чёрт его знает, что это за люди.

Мы спустились с холма, и, сделав большой крюк по степи, вышли к лагерю с другой стороны. Мы увидели восемь четырёхместных палаток, под брезентовым тентом – стол человек на двадцать, составленный из ящиков и досок, там же – пластиковый бак с краником – наверное, лагерьный запас воды. Понятно, что под тентом располагалась столовая, поскольку рядом дымил простенький очаг, сложенный из камней. На камнях стояла большая блестящая кастрюля и пускала струйки пара. Рядом возился, с ножом и поварёшкой, молодой человек с цветастой бонданой на голове, голый по пояс. Понятно, дежурный. Ещё человека три ходили между палатками. Спины и головы остальных обитателей лагеря виднелись в разрытых ямах, метрах в пятидесяти от палаток.

Дежурный оставил кастрюли и вышел нам на встречу.

– Здравствуйте! – сказал дядя Валик.

– Здравствуйте, – ответил дежурный.

– А Садиков Андрей Данилович у себя в кабинете?

– Андрей Данилыч? – усмехнулся дежурный, – Он у себя в цеху, а не в кабинете. А вы кто и почему?

– А я Рыжаев Валентин, научный сотрудник из Питера. У меня у Андрея Данилыча назначено, так сказать. Совместно научно работали всегда по поводу радиохимических анализов ископаемых находок, а вот теперь пребываю на отдыхе, и договорился навеститься в гости.

– А-а, упоминалось об этом, упоминалось! – дежурный закивал головой, – Ну, располагайтесь с вашими детьми в столовой, под навесом. А Андрея Данилыча сейчас мигом высвистим. Меня Игорь зовут. Скандинавское имя.

И Игорь со всеми нами поздоровался за руку. Как это он про нас сказал? – С детьми... Ничего себе – дети! Особенно я. Обидно! Но виду не подам.

Мы уселись под тентом, отдыхая от долгих хождений по холмам, и оглядели лагерь уже изнутри. Кругом порядок, по-деловому уютно. Между палатками, сидя на раскладных табуреточках, располагались две девушки; на расстеленном брезенте они внимательно рассматривали какие-то черепки, раскладывая их по коробкам. За их спинами висит на верёвках сохнувшее бельё.

А вот этот человек, который идёт к нам большими грузными шагами, верно, и есть Садиков. У него густые усы, чёрные и острые на концах. Трёхдневная щетина с ними вполне гармонирует, и его лицо вовсе не выглядит как у неряхи; к тому же, оно изрядно смуглое от загара, такие же его руки, почти по плечи, и шея. А под лёгкой рабочей жилеткой цвета выгоревшего хаки, тело белое, слабо загорелое. Он быстро подходил к нам, с каждым шагом улыбаясь всё шире, и, широко размахнувшись правой рукой, вlepил со звоном свою ладонь в ладонь дяди Валика. Мощное рукопожатие сотрясло обоих мужчин, после чего их уста разверзлись, и они радостно прокричали друг другу:

– Валентин!

– Андрей!

Такой голос, как у Садикова, должен быть у старого морского волка.

– А ну, представляй свою молодёжь! – сказал Садиков, глядя на нас.

– Сами представятся, – ответил дядя Валик.

Мы представились.

– Так. Валерий и Дмитрий, значит. Ладные молодцы! Ну, а я для вас тогда буду...

– ...Андрей Данилович! – категорически закончил за него дядя Валик, – Это чтобы без фамильярностей. Мы то на отдыхе, а ты, всё-таки, на работе, с подчинёнными.

– Ну ладно, ладно, – согласился Садиков, – пусть так. Ну, так что же, вы надолго?

– К вам на денёк, чтобы ребята посмотрели на раскопки. Вообще, мы живём в пансионате «Азовская волна».

– Тоже правильно, – одобрил Садиков, мы ведь тоже в «Азовской волне» номер снимаем на четыре человека.

– Вот как! Мы и не знали.

– Конечно. Целыми днями работать в степи, на жаре, трудновато. Поэтому у нас, по графику, назначаются выходные. Всего нас в экспедиции двадцать два человека. Постоянно присутствуют в лагере и работают восемнадцать человек. А очередные четыре человека, по двое суток, в порядке очереди, отдыхают в «Азовской волне». У нас две машины: «Нива» и «Волынь». Вот сейчас «Волынь» уехала с очередной четвёркой в пансионат. Вы её разве не видели? Она должна была пропылить по степи.

– Нет, не видели, Андрей Данилович, – поспешил я вставить слово, – мы видели других, и всё время за ними наблюдали. Мы видели двоих неизвестных людей, которые следили за вашим лагерем...

Я осёкся. Они ведь и сейчас, точно, следят в свой бинокль. Я медленно оглянулся в ту сторону, откуда они должны нас видеть. Вон тот холм... Лерыч немедленно толкнул меня ногой под столом:

– Не оглядывайся, Димыч, а то они поймут, что мы говорим о них!

– Да, Андрей, действительно, – сказал дядя Валик, – мы видели двоих типов, которых приняли за ваших археологов, и чуть не подошли к ним. Они нас не заметили, и наблюдали за вами в бинокль.

Садиков нахмурился.

– Что ж, этого и следовало ожидать, – сказал он, – мы тоже не один раз видели кого-то из них. Это чёрные археологи.

– Как это, «чёрные»? – не поняли мы.

– Это те, которые незаконно, варварски, раскапывают древности. Не для научных целей, а ради находок, имеющих реальную денежную ценность – уникальные древние предметы, и, конечно, самое главное – драгоценности. В этих степях они охотятся за скифским золотом. Копают сами, и воруют у научных экспедиций. Здесь, ближе к Черкино, работает ещё одна экспедиция, до них километров двадцать. Они были на том месте и в прошлом году, и в позапрошлом. Так вот, они рассказывают, что ни один раскоп, оставленный по завершению сезона, не оказался нетронутым на следующий год. Везде рылись чёрные археологи. Они и зимой могут рыться. Ведь им главное не сохранение культурного слоя, а добыча из него золота и древностей. Сколько мы из-за них потеряли ценных находок – неизвестно! Ведь у каждого раскопа охрану не поставишь, а надо бы. Работы варварскими методами ведутся гораздо продуктивнее, чем научными, Они ведь не кисточками и щётками, как мы, культурный слой разгребают, а ломami и лопатами действуют. А то, порой, и бульдозерами.

– Преступление! – сказал я.

– И очень доходное, – ответил Садиков, – На чёрном рынке скифские древности стоят не мало. Даже и не золотые. И в иностранных музеях они появляются регулярно – работа чёрных археологов кипит!

– Всё чёрное! – сказал Лерыч, – чёрные археологи, чёрный рынок... А деньги им тоже чёрные дают?

– Это точно, Валера, что деньги у них чёрные. Они ведь и силой не побрезгуют ради «товара» – у них называется «хабар» – случилось, между ними и разборки были: участки делят, как собственность. Один курган роет с одной стороны, а другой пригнал бульдозер с другой стороны! А за нами, значит, следят? Спасибо, ребята, что усмотрели, будем иметь ввиду.

Дежурный грюкнул кастрюлей, сняв её с очага.

– Ну что, Игорёк, звонить на обед? – спросил Садиков.

– Звоните, Андрей Данилыч. Уже всё. Путём длительного нагревания в присутствии катализатора, полностью ликвидированы ядовитые свойства содержимого кастрюльной ёмкости, в результате чего процент условной съедобности доведён почти до ста!

Садиков рассмеялся:

– А что за катализатор?

– Как всегда: соль и перец.

– О! Годится!

И Садиков, поднявшись, взялся за верёвку, на которой подвязан кусок рельса, а рядом с ним висела полупудовая гиля. Раздавшийся звон означал начало обеденного перерыва.

– Располагайтесь с нами обедать, – радушно предложил Садиков, – Всякий человек, одолевший с утра десять километров по степи, с удовольствием съест наш скромный обед. Игорь, что там внутри?

– Картошка с мясом, сэр.

– О!

– И сладкий крымский лук.

– Отлично!

– Компот готов ещё со вчерашнего дня. Стоит во льду. Но его не я варил, так что извините, если что.

– Проглотим всё!

Со стороны раскопа, отряхивая пыль с одежды, бодро шли чумазые археологи. Скоро они затарахтели мисками, ложками, и кружками; начали плескаться у бака с водой, отмывая руки.

Мы выложили на общий стол свежую малосольную керченскую селёдку. В наших местах она считается самой замечательной рыбой из всех местных рыб. Археологи обрадовались несказанно.

По правде говоря, многие из них отправились именно в эту экспедицию, прежде всего, для того, чтобы побывать на море бесплатно, вполне законно за государственный счёт. Я это знал точно, потому что это у нас всем известно. В наших краях все археологические экспедиции похожи на цыганские табора, из-за обилия женщин (жёны научных работников) и их детей. Здесь им и работа и курорт одновременно. Трудиться по бытовой части, так или иначе, всё равно придётся, и жёны археологов, конечно, занимаются в экспедициях кухней, стиркой и детьми. Но казённый проезд и питание значительно улучшают настроение. Нет того противного ощущения проматывания денег, которое часто возникает у людей низкого достатка, едва стоит такому человеку хоть куда то сдвинуться дальше своего города на много дней. А уж научных работников к богачам не отнесёшь. Поэтому выехать на раскопки для них – настоящая удача. Но экспедиция Садикова всё же отличалась от многих других тем, что здесь не было детей, и меньше женщин. Только две из них были чьими то жёнами, а ещё четыре девушки были студентками, приехавшими работать на раскопках так же, как все. Все – это, преимущественно, питерские студенты, и ещё несколько научных специалистов возраста Садикова и дяди Валика.

Обед съедлся с большим аппетитом. Казалось, минуя пищеварение, он немедленно рассасывался по всему организму, и хотелось ещё и ещё.

За столом нам кратко объяснили, что здесь раскапывают. Предыдущая экспедиция в позапрошлом году начала, а Садиков в этом году продолжает, разрабатывать античное городище, название которого ещё не установлено. Раскопано несколько каменных кладок – стены разрушенных построек. Сейчас активно откапывают колодец, и, рядом, руины какого-то большого помещения, возможно, конюшня. Судя по культурному слою, здесь люди жили весьма долго; было найдено большое количество обломков глиняной посуды.

После обеда мы, конечно, отправились посмотреть на раскопки. За разрытыми ямами, которые мы видели сразу, было как бы понижение долины, и в нём-то мы и увидели главную работу археологов, сделанную на данный момент. В раскопе были видны несколько каменных кладок квадратной формы, с дверными проёмами. И между ними – дыра колодца, тоже выложенного камнем. Это был как бы маленький кусочек древнего города, квадратной формы, отобранный у земли. Дальше от этого места расходились во все стороны узкие шурфы, которые копали на месте предполагаемого продолжения раскопок. Садиков объяснил нам, для чего нужны шурфы, и как с их помощью планируется раскоп. Говоря в общем, копая такие шурфы, определяют, где стоит копать, а где нет. Они пересекают предполагаемую площадь раскопок в разных направлениях (клетками), и могут встречать на своём пути стены строений, погребённых под землёй, разные другие объекты, если такие имеются, и тогда становится видно, где и в каком направлении, надо вести раскопки в первую очередь. Кроме того, шурф даёт представление о толщине и насыщенности культурного слоя – слоя грунта, в котором скрыты древние артефакты – следы прошлой человеческой жизни. Сравнивая данные соседних шурфов, можно планировать раскопки в каждой клеточке между ними, или же не копать зря там, где ничего нет.

На наших глазах студенты-археологи щётками освобождали из земли кузнечный молоток, ржавый, но не потерявший форму. Им, зная, подковывали лошадей, здесь уже нашли несколько подков.

– А оружие находили? – спросил Лерыч.

– Нет, ещё не попадалось, – ответил Садиков, – но надемся на это. Оружие – это всегда интересно. Кости животных есть – лошади, козы. Дальше – посмотрим. Я планирую нарыть траншеи вокруг раскопа, и определить границы этого городища, так как предполагаю у него не очень большие размеры. Возможно, его основа – это один, или два колодца. Так что здесь могла быть большая ферма, и несколько ремесленных мастерских, ну и все бытовые строения, конечно, тоже. Я сильно подозреваю, что ещё немного, и всё – культурная площадь закончится. Нет, это не значит, что в этом году раскопки будут исчерпаны. Копать можно долго, но границы не велики. А мы предполагаем выполнить ещё одну работу, если получится, конечно.

– Какую же?

– Раскопать вон тот курган, – и Садиков показал нам на островерхий курган, виднеющийся в жарком мареве, метрах в ста отсюда. – Он был предварительно исследован несколькими предыдущими экспедициями, но они так и не решили вопрос о том, как его раскопать. Есть проблемы.

Дядя Валик предположил:

– Наверное, нужно много людей, чтобы за лето разрыть такую гору. Экскаватором ведь его трогать нельзя.

– Не в том дело. Видите воронку от взрыва бомбы на его склоне?

Один склон кургана был словно выгрызен огромными челюстями. Края воронки уже давно сгладились, обсыпавшись, и она вся заросла травой, но её глубина была очень заметна, и из неё торчали белые глыбы камней, словно кости из раны. Ещё когда мы ходили по высотам, выискивая лагерь археологов, я заметил по всей степи такие отметины – большие и маленькие воронки – степь активно бомбилась и обстреливалась во время последней войны.

– С другой стороны кургана ещё две такие же воронки, – продолжал Садиков, – и одна из них почти у вершины. Он сильно пострадал при бомбёжке. Видимо, во время боёв, на кургане держали оборону наши войска, и курган прицельно бомбили с самолётов. Наши коллеги установили, что внутри кургана находится целое погребальное сооружение – склеп-усыпальница довольно больших размеров. Он сложен из камней. В результате бомбовых ударов стены склепа сильно пострадали, и находятся на грани обрушения. Они бы и рухнули, если бы не упирались в потолочный свод. А свод тоже сложен из камней, особым образом, и готов развалиться от малейших нарушений. А за ним рухнут и стены, усыпальница превратится в руины. Кто знает, какие ценности при этом могут пострадать. Всё это может произойти, если раскапывать курган снаружи. Вся внутренняя конструкция, находящаяся на грани обрушения, как бы статически стабилизировалась. Давление земляных масс со всех сторон держит её в каком-то равновесии, но что произойдёт, если начать убирать десятки тонн грунта – никто не берётся предсказать.

– А откуда вы знаете, что там произошло внутри? – спросил я.

– В некоторых местах склоны кургана просели. Анализируя эти деформации, и сделав несколько контрольных бурений до касания стен склепа, наши коллеги нашли, что погребальная камера обрушивается, но этого ещё не произошло.

– А что, внутри кургана уже кто-то был? – это спросил Лерыч.

– Внутри этого – нет, но такой же курган, называемый Царский, был раскопан много лет назад недалеко от этого же мыса Хаджи-Бурун. Этот устроен если не так же, то подобным образом. В нём, возможно, похоронен другой скифский князь. И может так повезёт, что его в древности не разграбили. А чёрные археологи были всегда, так что, сомневаюсь. Но, всё равно, ценный материал там, несомненно, есть.

– А как же вы, Андрей Данилыч, собираетесь в курган попасть?

– Есть одна идея, ребята, и она может оказаться вполне реальной. Из-под земли! Через каменоломни!

– Каменоломни! – подпрыгнул Лерыч, – Они есть и здесь?

– Есть, – авторитетно сказал я, опережая Садикова. Как местный житель, я не мог допустить, чтобы такой важный вопрос кто-то осветил раньше меня.

– В них добывали камень для строительства сотни лет, – продолжал я, – Под землёй огромный лабиринт, и он протянулся далеко от города.

– Верно, – сказал Садиков, – Я интересовался этим вопросом, и даже смог найти старую карту верхнего уровня Хаджи-Бурунского участка. Карте более ста лет, у меня ксерокопия. Карта сама рабочая, без координат и с неизвестными неточностями. Возможно, с неверным масштабом. Можно сказать, не карта, а схема. Она предназначалась чисто для текущей работы по добыче камня, для контроля и учёта забоев. Так что её точность мне не гарантировали. Но я предполагаю провести по ней уточняющую разведку, что бы выяснить, нет ли под курганом туннеля, из которого можно прокопаться прямо в склеп.

Лерыч задохнулся от восхищения этим планом – похоже, он был уверен, что всё начнётся прямо завтра, ждали только нас.

– А вы знаете, где находится вход? – спросил я. Ведь не будут же археологи пробираться на Хаджи-Бурун через главный вход за городом, в двух десятках километров отсюда, тот, у которого стоит монумент в честь подземных партизан.

– На Хаджи-Бурунском участке есть несколько входов, – ответил Садиков, – но все они обрушены. Однако, кроме них, есть несколько больших наклонных шахт, которые остались целы, и их можно найти в степи. Но, сами по себе, эти шахты никакого представления о месте не дают. Чтобы знать, куда ты попадаешь через данную шахту, надо иметь привязку к главному входу. Места всех четырёх главных входов известны, один из них я уже нашёл в километре отсюда. Он, как я уже сказал, завален. По карте от него можно сделать ориентировку на Хаджи-Бурунский маяк и иметь представление о том, что у тебя сейчас под ногами. Таким образом, я смог сориентировать одну из вспомогательных шахт, которая имеется неподалёку, и привязать её к схеме уровня. Теперь, спускаясь в шахту, знаешь, в каком коридоре находишься.

– Здорово! – сказали мы с Лерычем, – А шахту вы нам покажете?

Этот вопрос тут же разрешил дядя Валик:

– Шахта вам совершенно ни к чему! Подземелье не место для прогулок. Если там не ведутся работы, то и нам там делать нечего. Работы ведутся здесь, на поверхности, здесь мы и будем знакомиться с достопримечательностями.

– Ну папа-а... – протянул Лерыч и осёкся. Детская привычка канючить всегда пробивается у него, когда дело доходит до таких интересностей. Дядя Валик сердито вскинул брови:

– Я не понял, Лерыч! – строго сказал он, – это что за нытьё? Тебя что, развлекать обязанности?

– Всё, не буду, – сразу серьёзно ответил Лерыч.

Обед уже давно закончился, и археологи снова взялись за работу. Мы пошли вместе с ними, они – работать, а мы – смотреть. Каждый из них снова устроился на своём участке работы и снова принялся за прерванное дело. Кто-то, лопатой, осторожно, снимая землю тонкой стружкой, подбирался к пласту культурного слоя. Кто-то, видимо, более опытный, кисточкой или щёткой расчищал грунт в разрытых местах. Так разрабатывался каждый квадратный метр раскопа. После каждого взмаха щётки мы ожидали увидеть блеск старинного металла, или кость давно умершего животного. Но, к нашему разочарованию, земля, под действием шанцевых инструментов, просто превращалась в рыхлую труху, горсть за горстью. Мы с Лерычем всё надеялись, что вот немедленно станем свидетелями отличной находки, но как бы

не так. Не даром Садиков сказал, что 99% работы в раскопе приходится на простое перекалывание сотен килограммов и тонн грунта. Один из студентов, с помощью одноколёсной тачки, раз за разом, вывозил в сторону и высыпал землю – результат долгой работы всех остальных археологов. Работа шла, но всё только на те самые 99% – никакие находки нам на глаза не попадались.

Потом мы побывали в рабочей палатке старшего научного сотрудника Вячеслава Белокунова. Здесь он собирал разбитые горшки с помощью компьютера, цифровой фотокамеры и нескольких измерительных инструментов. Программа, установленная на его ноутбуке, обрабатывала цифровое изображение каждого горшечного обломка и подбирала черепки друг к другу. Из тысяч найденных фрагментов иногда несколько подходили друг к другу, и тогда их складывали в одну коробку, что бы потом склеить в реставрационной мастерской.

Мы выходили из палатки Белокунова, когда мимо проходил Садиков и сказал:

– Ну, что, Славик нахвастался вам своей гончарной мастерской? Это ведь его идея – горшки собирать. А мысль ведь верная – в пределах одного объекта остаются все части одного сосуда. Вот теперь копают, собирают все черепки, и записывают в компьютер. Глядишь – вылезет красивая амфора. Иностранные музеи купят обязательно.

– Андрей Данилыч, – обратился я, – а мы тоже можем поискать черепки?

– Что, желаете поработать на раскопках? А как же море, пляж, отдых?

– Желаем, желаем! – быстро встрял Лерыч, – А на море можно иногда сходить поколбаситься.

Лерыч в тайне надеялся на то же самое, на что и я – на великое археологическое открытие. Одно дело дурачиться на пляже – друг друга в песок закапывать – дурацкая забава отдыхающих, явившихся из глубины континента, и другое дело – серьёзно рыться в земле, и потом оставить свой след в музеях мира. Чем не отдых? Тут уж будет, о чём вспомнить. В школьном сочинении на тему летних каникул у Лерыча будет не детский отчёт: «в этом году я уже доплыл до буйков», а взрослое сообщение: откапывал, де, древнюю жизнь, бок о бок с серьёзными учёными. Можно будет в тему приплести философскую мысль, вроде: «без прошлого нет будущего». Но даже без перспектив школьного сочинения, Лерыча колбасило от возможности так увлекательно провести время. Я заметил, что дядя Валик очень доволен нашим желанием. Идею трудотерапии по отношению к сыну он носит в себе всегда. Полагает, что расслабляться отпрыску вредно, и разгульный отдых считает вредным и разлагающим. Дядя Валик сторонник ленинской мысли о том, что отдых это смена деятельности. Но у Лерыча, по его мнению, отдых прочно мыслится с дуракавалянием и дармовыми забавами. А тут наследник вдруг сам изъявляет желание потрудиться ниже уровня грунта. Дядя Валик хитро улыбнулся в усы и спросил:

– А как же, на Казантип, что ли не поедем уже?

– Поедем, конечно, папа! Ведь через неделю уже начинается. Но поедem только на один день. Туда и... переночуем, и, обратно.

– Ну, хорошо, Лерыч. Валяй! На Казантип уже человеком появишься.

Звуки скребков и сапёрных лопат вдруг нарушил какофонический мотоциклетный стрекот. Он появился издалека, и, по мере приближения, всё больше выдавал собой двигатель «Запорожца». Наконец, волоча за собой шлейф пыли, появился маленький вездеход «Вольнь» с крымскими номерами – вторая машина экспедиции. На ней приехали четыре молодых археолога, отдохавших в «Азовской волне» предыдущие два дня. С собой они привезли десяток огромных, ярко-полосатых арбузов, и пятидесятилитровую пластиковую бочку пресной воды. С ними, так же, была пачка последних газет и журналов. По распоряжению Садикова, нас отвезли на «Вольни» обратно на базу. Там мы должны будем сдать домик Ниф-Нифа, чтобы не платить за него деньги в сумме «как за железобетонный дот», – по выражению дяди Валика. А на следующий день мы своим ходом снова прибудем в лагерь Садикова. Свободная палатка найдётся.

Глава 4

*~ уходим в степь ~ сейчас мы вам что-нибудь найдём! ~ фронт работы – 2 на 2 м.
~ гильзы и патроны – ух ты! ~ как определить возраст находки – сверхстарая мидия ~ под-
ведение итогов за день ~ как пробраться в курган? ~*

Утром мы разбудили коменданта и сдали ему ключи. Он принял их с надменно-обиженным видом, говорящим: «ну и ладно!», но пожелал нам счастливого пути.

Нагрузив на себя все свои вещи, мы отправились в лагерь Садикова той же дорогой. Попутной машины нам опять не досталось; Солнце своими острыми лучами уже жгло нас в затылки, когда мы добрались до Садикова. Оценив наш путь, мы нашли, что к морю можно бегать каждый день, затрачивая около часу на путь в одну сторону. Садиков сразу нам сказал, что нашу работу он по времени не лимитирует, и мы можем пропадать на море сколько захотим. Однако мы небыли намерены «пропадать» – уж коль скоро нам тут выделяют палатку, нам бы следовало хоть что-то и копать. И мы с Лерычем, ещё не измотанные рытьём на жаре, и не избавленные от болезненного энтузиазма, намеревались копать не «хоть что-то», а весьма много и основательно. Мы были железно уверены, что археологи Садикова ещё ничего не нашли особенного, потому что мы с Лерычем ещё здесь не копались. Ведь им, бедным, всего то двоих человек и не хватало! В том, что мы отроем что-то более существенное, чем черепки от горшков, мы не сомневались. Эта уверенность исходила не от жизненного опыта (копаясь в детстве в песочнице, мы ничего, кроме кошачьих отходов, не находили), эта уверенность была следствием глубокой веры в нашу судьбу. Никогда в жизни мы раньше этим не занимались, а тут вдруг довелось – не может быть, что бы это прошло просто так даром!

Но сначала нам выдали резервную палатку, упакованную в мешок, и нам пришлось самим её ставить на отведённом месте, на что ушло около часа – этим мы тоже раньше не занимались. Дядя Валик владел таким навыком, но предоставил во всём разобраться нам с Лерычем.

Затем нам дали, на двоих, сапёрную лопату и проволочную щётку. Садиков отвёл для нас квадрат №56, размером 2 на 2 метра, как у всех. К нам присоединился дядя Валик, с большой штыковой лопатой, чтобы помочь в самой тяжёлой работе – снять верхний грунт с дёрном. Культурный слой достанется персонально нам с Лерычем, чтобы пожинать там лавры любых находок. Его уровень, ориентировочно, прочерчен зубилом на стенке шурфа. Так просто культурный слой трудно отличить от вышележащего грунта, только кое-где он просматривается тонкой прослойкой векового навоза или золы. На нашем участке ничего такого не видно, а до прочерченной метки не очень глубоко – чуть более полуметра. Получается, нам надо снять где-то два кубометра верхнего, «некультурного», слоя. Дядя Валик, не особо торопясь, принялся снимать верхний слой с дёрном, а я осторожно рыл сапёрной лопатой грунт сбоку, из шурфа. Лерыч, следом за мной, прочищал срез почвы щёткой, на случай, если там вдруг что-то окажется. До обеда дядя Валик снял весь верхний грунт, вместе с дёрном, жёстким, как та же щётка у Лерыча, а мы до сих пор ещё ничего не нашли. Конечно, в верхнем слое, кроме камешков, нам ожидать больше нечего. Вот доберёмся до культурного!.. И перевернём всю экспедицию! Ведь это же мы копаем, а не ктонибудь!

– Ну, как тебе, Лерыч, не умаялся? – подзуживал дядя Валик.

– Колбасит! – весело отвечал Лерыч.

Но отрицать было нельзя – пот с нас катился ручьями, и к нему прилипала земляная пыль. Глядя на нас, дядя Валик смеялся, и называл нас «ископаемые».

Вот уже по-честному захотелось на обед. Мы с Лерычем уже успели два раза поменяться лопатой и щёткой, и на этот раз была снова моя очередь орудовать лопатой. Я срезал жёсткий грунт, как приловчился, «стружкой», и из-под лопаты посыпались чёрные гильзы и патроны.

– Ух, ты! – воскликнули мы с Лерычем, – первая находка!

Гильзы и патроны были одного калибра.

– А, и вы боеприпасы отрыли! – крикнул студент Олег со своего участка. – У меня тут тоже были патроны. Их в верхнем слое, кое-где, полно.

– Конечно, – сказал я, – здесь шли бои. А снаряды не попадались?

– Слава Богу, нет. Если наткнётесь – ни в коем случае не трогайте. А патроны можете выкинуть. В них порох давно заржавел вместе с гильзой.

Олег подошёл к нам, взял один патрон, и легко свернул ему пулю. Себе на ладонь он высыпал из гильзы чёрную пыльную труху. Я продолжал рыть дальше, и накопил целую горсть ржавых, рассыпающихся гильз, и несколько целых патронов. Олег сказал, что эти все патроны пулемётные, от «максима». В этом месте, должно быть, действовал пулемёт – стреляные гильзы лежат кучно. Отыскать бы сам пулемёт – это тоже дело! Мы с Лерычем ушли на обед окрылённые.

Пулемёт мы, конечно, не нашли. Но верхний грунт, не без помощи дяди Валика, мы сняли полностью, и свезли его на тележке в отвал. Что ж, значит, великие археологические открытия переносятся на завтра.

Садилов посетил наш участок и одобрил сделанный объём работ. Предложил денёк отдохнуть у моря, обещал, что нашу «культуру» без нас никто не тронет. Но какой там отдых! Мы намерены откопать нечто! Оно будет древним, как мир, и очень дорогим!

– Папа, а как ты можешь определить возраст находки? – спросил Лерыч.

– И не надейся, Лерыч! Я не буду по благу накидывать твоим находкам пару миллионов лет! – съязвил дядя Валик. И далее рассказал: – Мы это делаем в лаборатории, методом радиоуглеродного анализа. Это самый распространённый метод. Существуют и другие технологии, по другим радиоизотомам, но изотоп углерода C^{12} вездесущ – он находится в воздухе, и из него переходит в почву и живые организмы, накапливается в различных материалах. По его концентрации и оценивается возраст находки. При этом предполагается, что выработка изотопа C^{12} в природе всегда была стабильна – с какой интенсивностью он образуется в наше время, в таком же темпе это происходило и в допотопные времена. Это первое допущение, которое проверить ни как невозможно. Второе допущение, не поддающееся проверке – это темп поглощения изотопа исследуемым образцом. В общем, метод основан на допущениях. Его ошибочность, ребята, очень велика. Расхождения с истиной могут достигать нескольких тысяч лет. Поэтому, как ни странно, чем древнее образец, тем точнее он анализируется по возрасту, а чем моложе, тем точность ниже. Например, возраст мидий, выловленных в Чёрном море, был определён у нас в лаборатории в диапазоне от 500 до 3000 лет! Представляете себе – живая мидия! А мы с тобой, Лерыч, помнишь, считали годичные кольца на створках мидий, которых ели? Сколько у нас получилось? – лет 30 или 40. Такие сроки радиоизотопный метод никогда не покажет. Так что наши данные по образцам очень приблизительны.

– А Андрей Данилыч думает, что вы ему выдавали точные цифры, – сказал Лерыч.

– Нет, – ответил дядя Валик, – археологи всё это прекрасно знают. Но иного метода оценки ископаемых пород и останков не существует. Вот мы и врём. Сделай милость, Лерыч, выучись хорошо на умного человека, и изобрети метод, точный, хотя бы до десятка лет.

– Надо подумать, – уклончиво ответил сын своего отца.

Вечерело. Солнце приближалось к горизонту, и прибрало свою жару. Наступило такое время суток, когда работать, как раз, одно удовольствие – не жарко и не душно. Но именно это благодатное время все работники на земле предпочитают посвящать самому любимому занятию всех работников мира – отдыху. Действительно, как-то жалко плохое время посвящать хорошему делу. К примеру, на солнцепёке трудиться не приятно. Но трудиться – само по себе дело не приятное (крамольные вещи говорю!), так уж пусть тогда это и делается в такое же

неприятное время. А отдыхать надо и во время хорошее. В общем, без многословия: работы на раскопе прекратились, едва до заката оставался час, или часа три до темноты. Мы бы с Лерычем ещё копали и копали, так как, кроме ржавых патронов ещё ничего не накопили, но со своим уставом в чужой монастырь не лезь, гласит народный этикет. Так здесь принято. И мы пошли умываться вместе со всеми.

Ужинали арбузами и пловом. За столом подводили итог рабочего дня. Мы с Лерычем теперь внимали всему, как полноправные участники общего дела.

Ну-ну, что там сегодня откопали? Лошадиную ногу с подковой. Очень интересно. А где вся лошадь? Гвозди нашли. Древние греческие гвозди. Нашли толстый слой золы. Немного поспорили, что это было – большой очаг или жертвенник. Какой жертвенник? – высмеял эту мысль Садиков, – где, на ферме? Дальнейшие раскопки всё покажут. Компьютер у горшечников подобрал фрагменты (шесть штук) для ещё одного горшка. Два молодых новобранца приступили к освоению квадрата №56 на шурфе №5. Это про нас. Лерыч сидит строгий и гордый.

С ужина все разошлись заниматься бытовыми делами или просто отдыхать. На очаг взгромоздили огромный чайник. Любой желающий может вечером пить чай, сколько хочет. Дядя Валик вытащил из своего рюкзака банку кофе, и, довольный, подмигнул нам.

Садиков сидел за общим столом, под тентом, и просматривал планы и схемы, пока позволяло солнечное освещение. Мы подсели к нему, и спросили:

– Андрей Данилович, а когда же экспедиция будет разрабатывать скифский курган?

И Садиков отвечал:

– А для этого, ребята, надо бы послать разведгруппу по туннелям каменоломен, чтобы они, с компасом, уточнили мне схему подземелий.

– Ой, Андрей Данилыч, – пискнул Лерыч, – а можно и мы с разведгруппой пойдём?

Ох, и Лерыч! Ну, никакой солидности. Сейчас Садиков точно думает: «Пришли тут пацаны в археологов играть!». Так и хочется теперь Лерыча по затылку стукнуть! А дядя Валик постукал ложкой по своей чашке и сказал:

– Вот теперь, Валера, ты точно в каменоломни не пойдёшь.

– Папа! Ну, я же именно спросил: «можно ли?».

– Это то же самое, что напрашиваться: «ну, возьмите!», – ответил отец.

Садиков снисходительно разублабался.

– Вообще то, ходить по этим туннелям небезопасно, – сказал он, – Известняки, сами по себе, не очень прочны, а часто бывают слоисты, и своды туннелей провисают. А после бомбовых ударов некоторые своды находятся на грани обвала. Бомбы здесь рвались чудовищные – вы посмотрите, какие воронки огромные есть в степи. Я, прежде всего, не рискую людьми. Пробраться под курган из-под земли – это только идея. Но воплотить её можно только при обеспеченной безопасности подземного прохода. А мы, к тому же, только приблизительно знаем куда идти. Если разведчики уйдут под землю, мы ещё и не будем толком знать, где они находятся.

– А тут, вдруг, обвал, – сказал я, – Кто-нибудь кашлянет, и – обвал! Путь закрыт, и надо идти другими ходами. Всё – группа заблудилась!

Лерыч нахмурился и покачал головой.

– Вот-вот, где-то так, – согласился со мной Садиков, и снова углубился в схемы раскопок.

Наступила ночь. Звёзды густо посолостили чёрное небо. Мы улеглись под открытым космосом на подстилках, и стали, не мигая, спокойно и расслабленно, созерцать эту красоту. Небо было живое и торжественное. Полчаса спустя уже казалось, что мы видим Вселенную объёмно, охватывая всю эту огромность своим сознанием. Мысль скользила между звёзд, и приближалась к границе этого пространства. Бесконечность вездесуща, она не имеет меры и отметки, но ощутима она становится там, где нечётко и гадательно проходит граница этой Вселенной. Сознание натывается на этот незримый край, и сталкивается с тем, что осознать невозможно –

с бесконечностью. На какое-то мгновение я даже почувствовал, что схожу с ума, и, в страхе, прекратил этот мысленный рейд в бесконечность. Я вернулся снова к ближней Вселенной – окрестностям нашей Галактики. Здесь было довольно суетно, как на людной улице. Периодически блистали метеориты, чертя небо короткими штрихами. Между звезд иногда, очень быстро и очень прямо, пролетали маленькие светящиеся точки. Это спутники.

Лёгкий ветер шевелил наши волосы, и нам казалось, что этот ветер веет по всей Вселенной, простёртой перед нами.

Глава 5

~ добыча! ~ мы в подземелье ~ простуженный призрак ~ подземный госпиталь ~ шайка лозоискателя ~ возвращение на поверхность без кроссовок ~ Садиков задумался ~

Увы! Наши четыре квадратных метра работы на раскопе, на которые мы возлагали большие надежды, оказались совершенно безнадёжны. Кроме ржавых патронов в верхнем слое земли, мы ничего здесь не нашли, дорывшись до самых низов культурного слоя, пока нам не сказали, что дальше углубляться совершенно бессмысленно. Культурный слой здесь оказался, как выразился Лерыч, абсолютно безкультурным. Но работу мы продолжили.

А на следующий день дядя Валик сел на велосипед и укатил купаться на море, ибо он приехал сюда прежде всего для этого. В лагере было два велосипеда, они принадлежали двоим крымским археологам из Симферополя, которые сопровождали питерцев. Один – это молодой водитель «Вольны». А другой, постарше – научный сотрудник, солидный мужчина – Сергей Дудко. Свои велосипеды они давали всем, кому надо – ведь не гонять же по мелочам автомобили.

Уехал, а у нас вдруг такой триумф! Копаем мы с Лерычем вдвое медленнее без дяди Валика, я рою впереди, а он – за мной. И вдруг я натываюсь на камни. Копаем глубже, и обнаруживаем полуразвалившуюся стенную кладку. Садиков жмёт нам руки, и, со словами: «Я так и рассчитывал, что здесь есть!», делает пометку на своём плане. Мало того, копая вдоль этой стены, мы наткнулись на какую-то пустоту в земле. Мы быстро, но аккуратно, разгребли эту полость, и – о, радость! – нашли в ней звенья ржавой цепи. Всю цепь мы откапывали осторожно, кисточкой, дрожа от понимания того, что она была сделана людьми, жившими до рождения Христова. Вся цепь оказалась длиною сантиметров 70. Мы так надеялись, что она будет к чему-то привязана, но это оказалась просто цепь сама по себе. Садиков внимательно всё осмотрел, и сказал, что та пустота, с которой началась цепь, видимо, раньше, была занята каким-то деревянным предметом, к которому была привязана цепь. Дерево истлело, оставив полость, а цепь осталась.

– Вообще, обнаруженные полости правильнее заливать гипсом, а потом откапывать. Тогда можно узнать форму истлевшего предмета, – сказал Садиков, – Но у нас это, как-то, не предусмотрено.

Но мы с Лерычем, что и говорить, были очень довольны. Цепь, конечно, не золотая, но её, тем не менее, аккуратно сложили в отдельную коробку.

Когда дядя Валик вернулся, Лерыч, наигранно оттирая пот со лба, встретил его словами: – Ну что, папа, нагулялся? Молодец! А мы тут поработали немножко...

Дядя Валик подмигнул мне, и сделал вид, что Лерыча не расслышал, и только ответил рассеяно-устало:

– Здравствуй, здравствуй...

Как Лерыч ни старался, невозмутимо, как бы невзначай, доложить о нашей находке, дядя Валик старательно изображал рассеянную невнимательность расслабленного человека, пропуская мимо ушей все его намёки. Наконец, Лерыч не выдержал, и его прорвало:

– Папа! Я древность откопал!

(Интересно, а я?)

– Как!? – взорвался восторгом дядя Валик, – говоришь, Димыч древность откопал!?

Лерыч сразу запнулся и поправился:

– Ну, да, мы с Димычем... Цепь отрыли!

Мечта попасть в каменоломни нас не оставляла. Даже не смотря на страшные предупреждения, Лерыч был готов пройти по таинственным подземным выработкам. Карту Хаджи-Бурунского участка мы уже несколько раз рассматривали на столе у Садикова. Он из неё секрета не делал, и она у него лежала в общей стопке технических документов. Как уже говорилось, поход в каменоломни для него был только идеей, и её реализацию в этой экспедиции он серьёзно не рассматривал.

Схема выглядела вот как. Разработчики строительного камня вели выработки прямыми параллельными туннелями, пересекая их друг с другом поперёк. План ходов получался в виде аккуратных клеточек. Но, в зависимости от расположения каменной породы, стройный план каменоломен часто поворачивал в сторону под каким-либо углом. В таких местах клетчатая схема выработок нарушалась, создавая многоходовые перекрёстки и неожиданные тупики в самой гуще ходов. А дальше снова шла клеточная сетка плана. Получалось несколько чётких, клеточных, групп туннелей, состыкованных между собой, как попало. На краях схемы почти все ходы были недорисованы, и имели просто обрыв на рисунке. Значит, там были не тупики, а продолжения подземелий, неизвестной протяжённости и плана. Всю схему запомнить невозможно, но мы изучили, почти наизусть, самую главную её часть – расположение нескольких ходов, ведущих, по идее, под скифский курган. Когда, через четыре дня работы, мы взяли велосипеды и поехали на море, то на пляжном песке смогли, по памяти, восстановить рисунок этого участка. Мы друг друга взаимно проверили: Лерыч царапал схему сам, и я тоже сам, отдельно; потом мы сверили наши рисунки, и убедились, что они одинаковы. Это значит, что мы всё верно запомнили. И теперь мы уже не понимали, как можно туда не пойти? Схема Садикова стала для нас, как карта острова Сокровищ. Её наличие волновало нас. Нам казалось, что только мы обладаем этим сверхсекретным знанием, и только у нас есть шанс этим воспользоваться. Все признаки Великого Шанса были на лицо: ограниченное время доступности (мы здесь не надолго, и экспедиция тут не навсегда), малый круг посвящённых лиц, и большое количество всяких причин не делать этого.

Обсыхая на пляже после купания, мы с Лерычем решили: завтра, обязательно сходим в каменоломни. Где вход – уже известно. Схему знаем. Завтра опять отпросимся на море, возьмём велосипеды, и сиганём, в объезд, к этому входу. Далеко ходить не будем, главное – увидеть, в каком состоянии туннели. Из чего сделать факел, я уже придумал. Неподальёку от пляжа, у мусорных контейнеров, я видел драную автомобильную камеру – порезать её на несколько частей, и намотать на палки – вот и будут факелы. Резина долго горит.

Мы выкупались ещё раз, и поехали обратно. Подобрали на мусорке камеру, и разрезали её на четыре рукава, которые будет удобно надевать на палки.

Следующим днём было воскресенье. Археологи отдыхали. Это означало, что в раскопе с самого утра работали только некоторые из них, кто хотел докопать какие-то детали, незаконченные вчера до темноты. С наступлением жары и они убрались из раскопа.

У нас никаких дел не было и мы отпросились на море. В этом нам, конечно, не отказали, и предложили поехать вместе с молодёжью на «Ниве», через час. Но у нас, как известно, были другие планы, и мы, изобразив лёгкое нетерпение, взяли оба велосипеда. Четыре подходящих ветки, из дровяных запасов, мы приготовили ещё с вечера и припрятали недалеко от лагеря. Едва отъехав в сторону моря, мы их подобрали. Проехав ещё немного по автомобильной тропе, и убедившись, что нас не видно, свернули в степь. Велосипеды сразу потеряли скорость и проходимость. Степь оказалась не так ровна, как казалось глазу со стороны. Колёса постоянно находили мелкие кочки, камни и какие-то корни. В конце концов, мы слезли с сёдел, и пошли пешком, ведя велосипеды руками; только иногда мы могли проехать на колёсах несколько десятков метров.

Спотыкаясь по неровной земле, я думал: не слишком ли мы безответственно себя ведём, в особенности я. Лерыч, в общем и целом, ведётся за мной, как за старшим и авторитетным человеком. И то, что он попадёт в каменоломни, это будет моя, или заслуга, или... вина. Это зависит от того, чем всё это закончится. На данный момент мы, пока, только лишь, всех обманули. Это, конечно, безответственно и нехорошо, но... какое бы такое «но» найти? Думаю, если бы среди людей не водилось такое безответственное поведение, то человечество, и по сей день, ютилось бы в пещерах. Зачастую, в истории, не бывало иной возможности достичь какого-либо прогресса, без всеобщего осуждения. Да и вообще, я полагаю, любые действия безответственны и предосудительны, если они заранее не обдуманы. Но мы то с Лерычем всё тщательно обдумали! И, только после этого, я повёл его в каменоломни – разве можно теперь назвать моё поведение неразумным? Нельзя. Но именно так оно и будет названо и осуждено, если всё откроется. Вот с такими нервными мыслями я и приближался к цели, ведя за собой Лерыча, и осознавая, насколько я теперь отвечаю за него.

Где находится вход в подземелье, мы уже, предварительно, сориентировались, но сразу отыскать его не смогли. Мы держали в поле зрения скифский курган и обходили его стороной, зная, что где-то здесь должно быть нагромождение известковых глыб, среди которых есть вход в штольню, ведущую вниз. Мы шли по сухой степной траве, тревожа в ней тучи мошек и кузнечиков; наши ноги были в паутине, которой было много между стебельками трав. Наконец, мы добрались до небольшого холма, почти плоского бугра, из которого, кое-где торчали ноздреватые бока ракушечника. Обойдя бугор вокруг, мы увидели и вход. Он чернел перед нами, бесформенный, обросший какими-то колючими кустами; это было как бы щелеобразное расслоение двух пластов каменной породы: одна огромная каменная плита оказывалась под ногами, а другая висела над головой. Используя это естественное внедрение в глубину, здесь когда-то и начали пробивать штольню.

– А она не захлопнется? – с опаской спросил Лерыч.

– Не захлопнется, – ответил я, – Сто лет простояла, и не захлопнулась. Идём, не бойся. Сейчас зажжём факела.

Велосипеды мы положили рядом, в кустах. Ни с какой стороны их не было видно

На одну из припасённых палок мы надели кусок автокамеры. Приготовили второй такой же факел, но подожгли только один, для экономии. Когда факел разгорелся, мы осторожно шагнули в каменную темноту. Степная жара сразу осталась где-то за спиной, а на нас опустилась сырая прохлада подземелья. Над нашими головами навис низкий каменный свод, а под ногами захрустели обломки ракушечника. Мы перешагивали через большие каменные глыбы, продвигаясь вперёд, но метров через десять они перестали попадаться, и пошёл относительно ровный пол. Штольня плавно уходила вниз. Это немного пугало, и мы шли очень медленно, всматриваясь в темноту впереди нас, и в освещённые стены. Лерыч чихнул, и, тут же, за ним, чихнул я, два раза подряд.

– Аллергическая реакция, – шёпотом пояснил Лерыч, – Резкая смена обстановки – сырость, холод, камень...

Мы оглянулись назад, и увидели, что вход за нами превратился в далёкую, светящуюся щель, которая сейчас скроется за поворотом – штольня плавно поворачивала влево. Лицо Лерыча было тревожным. Я подумал, что он сейчас скажет что-нибудь очень веское, для того, что бы вернуться назад. Но, нет, Лерыч посмотрел, с сомнением, во тьму, и предложил зажечь ещё один факел. Тот, который был у меня в руках, освещал вокруг метров на 5—6, не больше. Я согласился, и мы подожгли второй факел. Стало светлее.

Неожиданно стены с двух сторон от нас исчезли, провалившись в темноту. Мы замерли на месте, вытянув вперёд факела, а потом поняли, что попали на перекрёсток, и вышли в поперечный туннель. Я шагнул вперёд, и свет факела выхватил противоположную стену туннеля.

Это был один из широких главных ходов, такой широкий, что в нём могли разминуться два грузовика; но потолок здесь нависал всё так же низко, а холод стал серьёзно ощутим.

Согласно плану Садикова, который мы запомнили, нам надо было повернуть направо, что мы и сделали. Но, перед тем, я факелом накопил чёрный круг на углу поворота, чтобы иметь его за ориентир при возвращении. Мы пошли дальше, молча, но уже быстрее. Вот появился первый поперечный туннель, пересекающий главный. На следующем пересечении нам надо будет опять повернуть направо. Мы дошли и до него. Здесь я опять выкопал метку на потолке, и мы свернули в туннель, вдвое более узкий, чем главный. Неровные каменные стены опять близко окружили нас. Впереди ещё три пересечения, которые надо миновать, и тогда будет поворот уже налево. И, пока, никаких препятствий на нашем пути. А куда мы, собственно, идём? Неужели хотим добраться до самого кургана? От входа, до него, около 300 метров по прямой; подземными ходами идти ещё дальше. Мы ведь хотели только заглянуть и осмотреть туннели. Эта мысль, должно быть, поразила нас с Лерычем одновременно, и мы остановились. Слишком много поворотов мы оставили за собой. Прекрасно помня план, Лерыч спросил полушёпотом:

– А куда мы пойдём дальше?

Понятно, что он имеет в виду: а когда мы уже не будем идти дальше?

– Я думаю, Лерыч, – отвечаю таким же шёпотом, – дойдём до следующего поворота, помнишь, по схеме? – заглянем туда, и пойдём обратно. Скорее всего, остальные ходы от этих ничем не отличаются и находятся в таком же состоянии.

Мы двинулись дальше. Вот опять перекрёсток, и мы снова остановились.

– Смотри! – сказал Лерыч.

Мы увидели на каменном потолке висящий пласт ракушечника, а на нём – ещё один, размерами поменьше. Словно слоёный торт, приклеенный к потолку.

– Обрушится, – уверенно сказал Лерыч.

Я ответил:

– А мы его обойдём по боковым ходам.

– Можно, – согласился он, – но только после этого – назад, слишком много поворотов уже будет сделано. Так и потеряться можно.

– Ладно, Лерыч, не дрейфь, обходим, идём до намеченного поворота, заглядываем туда, и возвращаемся.

Мы вернулись назад, и пошли в обход, по квадрату. Сейчас мы должны будем выйти с той стороны опасного перекрёстка. Да и с чего мы взяли, что эта глыба, прямо сейчас, прямо на нас, обрушится? Это Лерыча колбасит. Я с ним согласился, чтобы не нервировать его. А вдруг здесь ходы не прямоугольные? Хотя по схеме, вроде бы, клеточки, но вдруг? Да, вдруг, схема вообще не точная? Я ставлю копчёные метки на каждом повороте. Вот, вроде, вышли в тот же проход. Посмотрели – точно! – вот он, перекрёсток с глыбами на потолке. Отсюда они выглядят ещё ненадёжнее. Возможно, Лерыч и прав: здесь только кашлянуть достаточно, и всё это упадёт.

Мы опять остановились. Нам было конкретно холодно. Изо рта шёл пар. Вход, через который мы вошли под землю, нам казался бесконечно далёким. Признаться честно, страшновато. Свет резиновых факелов не яркий, бледный и дымный. Пламя у них не ровное, дёргающееся, оно пляшет, как маленький злобный демон, на конце палки, и создаёт на стенах дёргающиеся тени. Эти тени шевелятся в темноте на некотором отдалении, и нам кажется, что там копошатся какие-то фигуры. Мы молча осматриваемся вокруг. Когда-то давно здесь гулко разносились голоса рабочих и стук инструментов. Горели масляные лампы. Здесь не было пусто и страшно – обычное производство. Но рабочие ушли в незапамятные времена, и тьма заполнила всё...

Апчхи!..

Что!?

Мы вздрогнули и ахнули одновременно. Это не показалось! – из туннелей донёсся отчётливо, хотя и приглушённый расстоянием, чих. Это был басовитый, с шумным выдохом, настоящий чих! Мурашки не просто побежали по всему телу, а пронзили нас насквозь. Факела задрожали в наших руках. Мы дико переглянулись, и от этого перепугались ещё больше – вид испуганного соратника пугает, как известно, больше самого страха. Я почувствовал дрожь в коленях, а Лерыч зажал рот рукой, боясь вскрикнуть. Боже, что это было!

– Лерыч, ты слышал? – выдавил я из себя.

– Слышал, уходим!

И Лерыч сам направился прямо через перекрёсток с нависающей с потолка глыбой. Глыба была не так страшна, как голос неизвестного существа, услышанного нами в подземелье. О том, что это было эхо нашего чиха, не могло быть и речи, этот вопрос мы даже не обсуждали. Даже чихая, каждый человек имеет свой голос. Этот голос был совершенно чужим, не похожим ни на мой чих, ни на чих Лерыча. Чихавшее существо, определённо – мужчина старшего возраста. В моей страхотеке, которой я развлекаю Лерыча на сон грядущий, правдивы только рассказы о бесследно заблудившихся людях. Но, неужели, байки о призраках воплотились в жизнь!?

Мы шли назад, хотя и быстрее, но очень осторожно, чтобы не шуметь. Перекрёстки старались проходить ещё быстрее – ведь свет наших факелов видно далеко в конце каждого коридора, через который мы идём. Нам, вдруг, стало понятно, насколько мы открыты для всеобщего обозрения со своими факелами, и от этого было ещё страшнее, чем в полной темноте. Но без света мы не могли. Даже в переходах между перекрёстками мы не могли скрыться – чихающий призрак мог быть в туннеле позади нас. Или впереди... Но без света мы не могли обойтись.

Сейчас должен быть поворот. Я поднял факел, и обомлел – как же я этого раньше не заметил? – весь потолок был густо зачернён многочисленными пятнами копоти. Понятно, что, кроме нас, здесь ещё бывало много всякого гуляющего народу. Свод туннелей был закопчен везде, во всех переходах и перекрёстках. Теперь я не мог понять, есть ли здесь моя метка, или нет. Лерыч растеряно смотрел то на потолок, то на меня. Схема туннеля нам хорошо представлялась в направлении «туда», в обратном направлении голова путалась, особенно, после призрачного чиха, испуг от которого всё ещё не отпускал нас. Мне страшно было подумать, а тем более сказать, что я не понимаю, где мы находимся.

– Надо повернуть, – сказал я Лерычу, – Если выйдем в большой туннель, значит мы на верном пути.

В этот момент горящая резина сорвалась с моего факела, и я едва успел его бросить, чтобы резина не упала мне на руку. Резиновый рукав перегорел пополам и не мог держаться на палке. Света сразу стало меньше, а резиновая гарь сразу заполнила воздух вокруг нас. Я взял второй факел и присел, чтобы поджечь его от упавшего куска. Факел уже начал разгораться, когда раздался дрожащий голос Лерыча, и я увидел его трясущуюся руку, показывающую вдоль стены:

– Смотри!

Вдоль стены протянулась какая-то длинная бесформенная тень. Но эта тень шевелилась вовсе не в такт пламени факелов, а сама по себе, какими-то мелкими, рыскающими движениями: то замрёт влево, то замрёт вправо. Я вспотел, несмотря на подземный холод. Вокруг нас, прямо, одни воплощения моих страхов.

– Призрак, – прошептал Лерыч, призрак тень, – может быть, ему надо принести жертву? – Его голос звучал убито.

– Лерыч, – говорю, – посмотри ниже.

И я быстро полез в карман за рогаткой. Недалеко от стены, в трёх шагах от нас, сидела большая крыса, и нюхала издали нашу гарь. Пламя на полу подсвечивало крысу снизу, отчего её тень поднималась вверх, по стене, при этом расширяясь, и превращаясь в изображение маленького чудовища.

– Крыса! – взвизгнул Лерыч.

Крыса вздрогнула, но не ушла. Я вставил в рогатку кусок ракушечника, и прицелился в серую зверушку. Щёлкнул жгут, и пущенный камешек в пыль расплющился об стенку. Не попал. Крыса подпрыгнула и бросилась в темноту. Я поднял свой факел.

– Идём, Лерыч, налево! Они боятся огня!

Мы сделали четыре шага, и остановились. Впереди, на границе света и тьмы, мы увидели таких крыс десятка полтора. Они неподвижно смотрели прямо на нас, иногда шевеля усами. Мы положили факела перед собой, как ограждение, и достали обе свои рогатки. Один из наших выстрелов был меткий – какая-то крыса с визгом перекувыркнулась, когда её сбил камень. Вся стая сразу шарахнулась в темноту. Но, нет сомнений, – там, дальше, их ещё больше. Сначала была одна крыса – разведчик, а за ней – все остальные, в бесчисленном количестве. И каждая хочет жрать. Крысиное логово!

Теперь я совершенно не знал, что делать. Но, взяв себя в руки, я представил, что бы я делал, если бы крыс не было. Лерыч вопросительно смотрел на меня. По плану, едва забытому, надо идти вперёд. Может быть, снова обойти этот проход по параллельно-поперечным ходам, как мы уже это делали? По схеме, здесь кругом прямые туннели.

– Идём, – сказал я Лерычу, и повёл его в проход направо, в обход. Четвёртый факел я держал наготове. Для крыс.

Поворот направо. Прошли ещё немного, и туннель резко расширился. Мы оказались, кажется, не в туннеле, а в широкой пещере; она тянулась в том же направлении, что и проход, который нас к ней привёл. Сразу стало понятно, что мы попали не совсем туда, куда надо. Стены этого помещения были еле видны в свете факелов, настолько далеки они были в обе стороны.

А что это впереди? Там, дальше, по обе стороны нашего пути, мы увидели какие-то, стоящие рядами, большие предметы. Подойдя ближе, можно было уже что-то различить. Это очень похоже на... железные кровати! Да вот же: дуги спинок, рамы, кое-где стоят составленные вместе ящики. Ряд кроватей тянется вдаль, видно, что многие завалились. На них лежат какие-то бело-серые свёртки. Логика подсказывает, что может лежать на кроватях, и ноги, от этого, становятся ватными, и дальше не несут. Но мы, всё же, подошли, и обмерли. В белых свёртках угадывались человеческие фигуры. Они лежали на ржавых сетках, и на ящиках, вытянутые в длину. Мертвецы. Они были, как в коконе, укутанные толстым слоем известкового налёта. Эта оболочка почти сгладила их фигуры, но, всё же, проступали контуры рук, если они лежали на теле, и, особенно, контуры лиц – ямочки глазниц, впадина рта, и бугорок носа. Такое можно увидеть только в ночном сюрреалистическом кошмаре. А потом писать с этого картину. Мы не могли вымолвить и слова, и готовы были упасть на месте. Вот куда нас загнал призраки и крысы! Не оставалось сомнений в их совместном, умышленном действии.

Я оглянулся назад, на темнеющий провал туннеля, потом снова посмотрел вперёд, и, подняв факел на вытянутой руке, рассмотрел вдали продолжение этой страшной картины: там, дальше, всё также, рядами, стояли кровати и лежанки с покойниками, и конца этому не было видно. Бездумно, как влекомые магнитом, мы медленно пошли вперёд, между рядами кроватей. Мы спотыкались всякий раз, натываясь взглядом на новые подробности этого кладбища. Не все тела лежали прямо на своих местах, некоторые были согнуты, или перевернуты; иные свисали со своей лежанки, почти упав на каменный пол, и это свидетельствовало о том, как они умерли. Я понял, что это подземный госпиталь, погибший весь сразу, скорее всего, во время газовой атаки фашистов. Тела подземных партизан законсервировались в известняке, а их, до сих пор, ещё ни кто не нашёл. Моя догадка была, конечно, верна; но ужас от этого не проходил. Я думал: куда идти? – куда ещё можно забрести? – и так уже изрядно запутались. Позади крысы, неизвестно, в каком количестве. У Лерыча скоро тоже догорит факел. Я положил ему руку на плечо.

– Лерыч... Это подземный госпиталь партизан. Теперь здесь их кладбище, и всё. Надо идти прямо, до следующего выхода.

Лерыч молча кивнул головой, и мы медленно пошли между лежанками. Здесь были не только кровати, но и просто доски, сложенные вместе на полу, или поставленные на ящики. И все места были заняты... Мы, так же, увидели ещё несколько трупов в известняке, лежащих, раскинувшись, между ранеными. Это подтверждало мою догадку о газовой атаке. То были санитары и врачи, работавшие в госпитале; раненные погибли на своих местах, а они – рядом с ними. Под ногами валялись клочья бинтов, рассыпающихся в порошок от прикосновения, и кое-какая посуда.

У меня пересохло в горле от волнения, а Лерыч, удивительно, повёл себя совершенно необычно для такой ситуации. Его движения стали уверенны, но очень спокойны, с лица исчез страх, уступив место холодному безличию, словно он наблюдал за каким-то миром по другую сторону толстого стекла... И тогда я понял, в чём дело: для доброй части людей подобное зрелище настолько необычно, что они престают воспринимать его как реальность, и воспринимают, как сюжет осознанного сна, когда, отбросив бессмысленный страх, человек просто смотрит на происходящее. То же произошло и с Лерычем. Эмоции перестали мучить его. Он спокойно подходил к лежанкам, и, подняв факел, освещал маску на лице покойного; слегка наклоняясь, он всматривался в черты лица, и шёл дальше. Он ничего не трогал и держался на деликатном расстоянии от умерших. Он был похож на монаха, совершающего службу над усопшими. У меня же, по прежнему, волосы шевелились на голове – я осознавал всю реальность того, что вижу. Так здесь было 65 лет назад, и так оставалось, и остаётся, до наших дней.

Ряд кроватей и лежанок закончился, а вместе с ним и пещера. Перед нами оказалось сразу три узких проёма, ведущих в трёх направлениях – прямо, чуть налево, и чуть направо. Теперь я убедился, что дальнейшего пути я, окончательно, не знаю. Наше положение в подземелье теперь уже очень сильно отличалось от того, что было по бумажной схеме. И я решил идти в правый проход. Идти левее означало ещё больше удаляться в ту сторону, где на схеме были обрывы ходов, то есть, в неизвестное. Мы вошли в правый проход. Он был узкий, и мы шли друг за другом.

Это что? Под ногами – большая истлевшая тряпка, похожая на одеяло. Мы перешагнули её, и свет факелов выхватил хаос из больших и мелких камней. Завал. Вот, наверное, здесь и ударила одна из многих бомб. А внизу, на камнях, лежало, невозможно понять, сколько, – то ли три, то ли четыре, скелета в остатках истлевшего обмундирования. Они лежали в разных позах, перемешавшись между собой. Боже, да что это такое! – мертвецы впереди, мертвецы позади! Среди костей мы увидели оружие – ржавые автоматы и боеприпасы. Это были не раненные, а здоровые бойцы. Они тоже погибли от газов.

– Пошли назад, Лерыч.

Лерыч горестно вздохнул, и мы, развернувшись, снова вышли в госпиталь. Здесь у Лерыча совался факел и погас. Пришлось зажигать последний, пока не погас и мой. Зажжение последнего факела придало нам прыти – если и он догорит, привидения, больные насморком, обступят нас со всех сторон. Мы сразу пошли в центральный проход. Он тянулся далеко, и вывел нас в просторные туннели. Кажется, мы снова попали в продольно-поперечный, четкий, план. Здесь мы остановились в раздумьях. И я заметил, что пламя факела вытягивается от лёгкого сквозняка. Он тянулся с той стороны, куда нам подсказывало идти чутьё ориентира. И мы пошли. В одной руке факел, в другой – рогатка. Волосы на наших головах всё ещё стояли ёжиком, после похода по госпиталю-кладбищу.

Мы шли и нам навстречу выныривали корявые камни кривых стен, которые отбрасывали самые невероятные тени. То и дело, мы резко останавливались, боясь нарваться на что-нибудь страшное. Вдруг, мы увидели, в левом боковом ходу, как нам показалось, стену в конце этого хода, подсвеченную нашим светом. Это значило, что этот ход был совсем коротким, и мы,

не сговариваясь, шагнули туда, только посмотреть. Ведь очень хотелось хоть как-то осмотреться, а далеко ходить по туннелям во все стороны было некогда – у нас горели последние факела. Мы прошли шагов десять, и вышли прямо в широкий главный проход. Оказывается, мы сейчас шли всё время вдоль главного туннеля, и даже не знали об этом. К душе подкрадлась радость. Теперь, если по нему вернуться обратно, мы можем дойти до штольни, поднимающейся вверх.

– Идём назад, и побыстрее, – заторопил Лерыч.

Я был не против, но, посмотрев вдаль по туннелю, мне показалось, что я увидел там какой-то отсвет. Нельзя было быть в этом уверенным при свете факелов, которые подсвечивали красным резиновую копоть, висящую в воздухе.

– Ну-ка, Лерыч, отойди в боковой проход, и возьми мой факел.

– Кто там!?! – испугался он.

Я отодвинул его назад, туда, откуда мы вышли, отдал факел, и выглянул в темноту из-за угла. Вдали виднелся бледный свет, который невозможно было спутать с дневным.

– Лерыч, кажется, там ещё один выход!

– Тогда пошли скорее!

Я снова взял свой факел, и мы быстро пошли на свет. Какое расстояние мы прошли, не знаю, но скоро дневной свет, падающий сверху, стал нам виден ясно. Откуда-то, из дырки в своде, в подземелье проникал белый день. Мы увидели нагромождение обвала, перекрывшее половину главного туннеля. Глыбы камней были обрушены сверху и открывали лаз на поверхность. Мы с Лерычем облегчённо вздохнули. Подойдя к обвалу, мы увидели бесформенную дыру и в ней – голубое небо, начинавшееся через несколько метров каменных нагромождений. Дыра была с некоторым уклоном, и над ней нависал большой каменный выступ.

– Давай, Лерыч, лезь вперёд, – пропустил я его, как старший.

Лерыч охотно ринулся вверх, по камням. Я полез следом. Но, вдруг, Лерыч шарахнулся в сторону и остановился. Его голова угодила в большую паутину, и он истерически замахал факелом, разгоняя её остатки. Выше, весь лаз, то тут, то там, был перегороден здоровенными сетками с большущими пауками на каждой. Лерыч разил их пылающим факелом и лез дальше. На последних метрах, где лаз был шире, я уже догнал его. Темнота, оставшаяся позади, хватала меня за спину; я, казалось, чувствовал её лапы, и потому рвался вверх очень активно. Из лаза мы выглянули уже одновременно.

Мы оказались в бомбовой воронке – это было понятно из её конической формы. Она была весьма большая, с пологими стенами. Бомба была не маленькая – её взрыв расколол каменный массив, ослабленный туннелем. Так образовалась эта спасительная щель. Но самое неприятное то, что воронка внутри была слегка загажена продуктами жизнедеятельности, то есть использовалась как туалет. И нам, вскоре, стало понятно, почему.

Мы загасили факела, и взобрались на верхнюю кромку...

Сразу, метрах в двадцати, мы увидели троих человек. Живых. Казалось бы, после тесного общения с мертвецами, мы должны были бы безумно обрадоваться, но, видимо, человек испуганный не вдаётся в подробности своего испуга – что страшно, а что нет; испугавшись одного, он боится и другого. Страх ещё не оставил своего действия в нас, и мы сразу присели за край воронки, едва увидели неизвестных. Как оказалось, не зря.

Выставив глаза наверх, словно две улитки, мы, между камушками и травинками, стали наблюдать за тремя мужчинами, которые сидели, видимо, на краю какой-то ямы, и курили. То один, то другой, периодически, утирал пот. Одеты они были в пыльную, грязную одежду, какая может быть только на людях, которые действительно выкопали яму на жаре. Их головы покрывали одинаковые матерчатые шлемы камуфляжной раскраски. Это, и густая щетина на лицах, и было всем их сходством. В остальном, они отличались – один был в футболке,

другой в рубашке, третий, самый загорелый (или грязный?), был голый по пояс. На всех были штаны, принявшие на себя цвет местного хаки, то есть грязи.

Рядом с ними что-то торчало, похожее на черенки от лопат. Но в голову никак не приходила мысль, что они здесь копают огород, или занимаются строительством. Они разговаривали, и до нас долетали обрывки их фраз. Самыми узнаваемыми словами были нецензурные выражения. Люди были не интеллигентные, и идти к ним ещё больше расхотелось. Но даже если к ним не идти, всё равно, выходя из воронки, мы окажемся у них на виду, и очень их удивим своим появлением. А чем это обернётся, предположить трудно. Если они здесь что-то делают, то, наверное, продолжают этим заниматься, когда покурят. Вот тогда и посмотрим, что делать.

Все трое докурили сигареты, но с места не сдвинулись. Продолжая переговариваться, они сидели, как и раньше, вглядываясь в степь. Так прошло около пятнадцати минут, когда из степи кто-то появился, кого они увидели раньше нас. А потом его увидели и мы. К ним шагал ещё один мужчина, в походной жилетке, накинутой на голое тело, с синим блейзером на голове. Ещё издали он крикнул троице:

– Ну, и чего сидим?

В ответ на эти слова мужик в майке сплюнул в сторону, и дальнейший разговор теперь нам стал хорошо слышен:

– Командиров не хватает, вот и сидим!

– Ничего под этой стеной нет! – сказал другой.

Пришедший ответил:

– Здесь, рядом, была пустота, и не одна. Это могут быть могилы. А в могилах... Там может быть что угодно.

– Кости там точно есть!

– Там каменоломни под землёй, а не могилы! – злобно сказал по пояс голый

– Нет! – замотал головой пришедший, – про каменоломни я знаю. Я отличаю каменоломни от других пустот. Я, когда с рамкой хожу, не только пустоту определяю, но и чувствую её размер. Я покажу вам, где туннель, а где другая пустота.

– Может быть, там вода?

– Нет, вода не там, и, вообще, вода здесь глубже. Мужики, вы же видели сами: когда мы колодцы рыли, я воду находил чётко. А вода от пустоты сильно отличается – рамка себя по-другому ведёт.

– А может быть ивовым прутиком попробовать, а, Лёня?

– Что-то у меня здесь прутиком не пробуеться. Я к рамке привык. Как её сделал, так с тех пор и пользуюсь.

– Экстрасенс хренов!

– Бери, ищи сам! Я тоже сквозь землю не вижу. Вы что, думаете, если я могу под землёй дырку найти, так я вам ещё и нарисую какая она и что в ней? Умные вы, как со стороны! Сам факт установить могу, а дальше – я такой же слепой, как и вы.

– Ну, ладно, – ответили примирительно трое мужиков, – так что там, говоришь?

– Маленькие пустоты, – сказал Лёня, – небольшого размера, как захоронение.

– А чего же мы тогда здесь роём?

Лёня ответил:

– Эту стенку мы в прошлом году раскидали. Хабара никакого. Но если есть стена, значит не одна. Думаю, это продолжение того, что отрыли те гаврики из экспедиции. Город какой-нибудь. Здесь, кроме черепков и железяк, хрен чего найдёшь. Но, тоже ценность...

– Да-а, – сказал копатель в майке, и опять сплюнул, – могилы бомбить надо, могилы! А что делает экспедиция охренологов?

Лёня присел рядом с троими товарищами:

– Они роются немного не там. Могилы сюда ближе. Ну, это же археологи – их весь хлам интересует: черепки, там, косточках всякие, и другая ерунда.

– Вот, блин, заняли место, – сказал один из мужиков.

– Они свалят оттуда к осени, деток в школу отводить. А до места они так и не докопаются.

– Ага, а мы потом под дождём, по грязюке!

– Так ведь могилы же!

– А вдруг, нет!

– Лёнька, колдун, ты там, точно, воду нашёл. Воду ты находишь, в этом мы убедились.

– Сколько мы на колодцах зарабатывали? Если здесь ничего не окажется... Ну, Лёнька, тогда...

– Пойдём опять колодцы рыть! – зло оборвал Лёнька, – я тоже вам не это самое... А найдём захоронение с золотом, сразу срубим во много раз больше, чем на колодцах.

И спокойнее добавил:

– Рискнуть надо. Если я нащупал, а больше никто, надо попробовать. Обидно будет и глупо, мужики: найти нашёл, а не попробовали. А теперь прикиньте: на следующий год опять объявляются те же самые гаврики, роют там, и – оп! – и в музей!

– Да, да, надо попробовать! – дружно и серьёзно загалдели трое копателей, которые сразу изменили своё мнение, едва появилась возможность попадания шкуры неубитого медведя в чужие руки.

– Значит, будем пасти их до осени, – сказал голый, – А как со стеной быть? Куда она, чёрт её, идёт?

– Ладно, – сказал Лёня, – я её сейчас с рамкой прошупаю, чтобы мы знали, где она там. Только мне надо сначала настроиться на неё. Одно дело пустота, а другое – стена в земле. Сейчас...

Лёня куда-то отошёл, и вернулся с металлической конструкцией в руках.

Мы с Лерычем настолько были увлечены происходящим, что уже высунулись по плечи из воронки. Тогда мы увидели краешек древней каменной кладки, раскопанной в земле, такой же, как в раскопе Садикова.

– Димыч! Это чёрные археологи! – прошептал Лерыч задохнувшимся голосом.

– Я уже понял, – ответил я, точно так же втягивая в себя воздух.

У Лёни в руках была трубчатая рамка, а внутри неё, на осях, свободно качалась другая, такая же, рамка, но размером меньше, вставленная в большую.

– Лерыч, ты всё понял? Этот мужик умеет искать воду под землёй, и всякое другое!

– Лозоискатель! – ответил Лерыч.

– Точно. Они с ним колодцы рыли, а теперь ищут под землёй могилы.

Лёня, держа рамку перед собой, начал осторожно ходить где-то неподалёку, начиная от разрытой стены. В начале своего пути он, немного, сосредоточенно постоял, и рамка, наконец, слабо качнулась. Лёня кивнул и пошёл дальше. Он ходил по довольно большому пространству, и мы не могли этого толком видеть. Его товарищи осторожно следовали за ним, и ставили метки там, где он им указывал. В некоторых местах его рамка, как живая, вдруг, делала несколько оборотов, и здесь он останавливался надолго; а потом там ставили метку – ложили кусок камня. Эта разведка недр продолжалась около получаса, а мы с Лерычем следили за этим с раскрытыми ртами.

Наконец, Лёня опустил рамку и остановился.

– Жрать хочу, – устало сказал он.

Гробокопатели собрались вместе и осмотрели обследованный участок.

– Чёрт знает что, получается! – сказал тот, что в майке.

– Да, – ответил Лёня, – в линию метки не идут. Но, посмотрите, вся эта куча, как бы сходится углом.

– Точно, точно!

– Это, видать, и есть угол этой халабуды, только она у них, похоже, завалилась внутрь.

– Ха, да! Молодец, Лёнька. Так, говоришь, ты могилы нашёл...

– Жрать идём! – опять повторил Лёня.

– Идём.

И все четверо направились к нашей воронке. И весьма быстро.

– Оп! Лерыч, они идут сюда! Нам надо дёргать обратно, в каменоломни!

– Куда!? Меня уже колбасит от каменоломен!

– Я знаю. Но, Лерыч, ещё немного: раз, два, три... и они нас... увидят!

– О-о! – простонал он, – лезем...

– Бери факел, Лерыч.

И мы быстро, как могли, но, стараясь не шуметь, полезли обратно. С содроганием мы вернулись в мир темноты и холода, крыс и призраков. Мы присели под стеной туннеля, и стали слушать.

– Мужики! – донеслось сверху; и мы с Лерычем вжались в шершавую каменную стену: было полное впечатление, что зовут нас.

– Мужики, ну чёрт бы вас побрал! – жратву тут храните под камнями, и тут же гадите...

Это, кажется, Лёня ругается.

– Да ла-адно... Она вся в банках закрытая, – ответил кто-то.

– Как свиньи!..

Раздался стеклянный и металлический звон. Потом голоса чуть удалились, но мы поняли, что они расположились неподалёку от лаза.

– Вот так вот, Лерыч, – и я положил свою руку ему на плечо, – нам здесь выхода нет. Мы здесь можем ждать до вечера, пока они спать не лягут.

– А потом мы вылезем ночью, и найдём своих по свету костра! – жарко зашептал Лерыч. Он уже понял, к чему я клоню, и приготовился яростно возражать.

– Лерыч, ты хочешь явиться к папе ночью, когда все будут искать нас в степи с фонарями, и поднимут на ноги всю базу отдыха?

Лерыч подавлено сник.

– Вот что, Лерыч, ты всё понял: нам надо быстро возвращаться по главному туннелю. В нём мы легко найдём нашу штольню. Факела ещё не выгорели. Если их не хватит, сожжём мои кроссовки, у них подошва тоже резиновая.

Лерыч молча замотал головой, потом, подумав, закивал:

– Да, да, придётся. Но это так страшно...

– Лерыч, назовём всё, как есть. Как что называется, так и назовём. Мёртвые... они не ходят, Лерыч, не видят, и не слышат. Они никуда не сдвинутся со своего места.

Лерыч кивнул. Я продолжал:

– Призраки... Их не бывает, это выдумки. Крысы – они боятся огня и летящих камней. В наших руках важные сведения. Хорошо, что «чёрные» нас не увидели. Они не знают о том, что мы всё знаем. Мы должны передать информацию Садикову, и тогда экспедиция, может быть, тако-ое найдёт!

Я уже доставал спички, и начинал поджигать остатки резины на факелах. Прожженная и сухая, она быстро вспыхнула. Факел мы зажгли один, для экономии, и быстро пошли по главному туннелю, никуда не сворачивая. Лерыч держал наготове рогатку, и, кажется, старательно внушал себе, что это оружие сродни гранатомёту.

Мы проходили перекрёсток за перекрёстком. Мне пришлось поджечь уже второй факел. Я сложил их оба вместе, чтобы лучше выгорала резина. Лерыч взял факела, а я снял с себя кроссовки, чтобы можно было зажечь их в любой момент. Идти стало трудно – ноги кололи мелкие камни, но я героически это терпел, надеясь, что скоро будет выход. Но нашей штольни,

которую можно узнать по подъёму вверх, всё не было. Только дремучая тьма одноглазо зыркала на нас из боковых туннелей. Я смотрел в каждый из них, и не мог не представить себе ходы, идущие дальше, в конце которых – мёртвые... Страшное подземелье не кончалось, низкий потолок, словно бросался на нас из темноты, когда очередной его кусок выхватывал свет факела. Мы, невольно, пригибались.

– Димыч, факел догорает!

– Вижу, Лерыч.

Мы остановились; я достал нож, и сильным ударом пробил подошву одного кроссовка. Его я надел на первый факел, который уже догорел, воткнув палку в пробитую дыру. Мы быстро подожгли его, и замечательные кроссовки (пока только левый), купленные на это лето за 600 рублей, ярко и дымно запылали. Стало значительно светлей, и мы пошли дальше. Лерыч даже как-то повеселел.

– Если твои догорят, будем жечь мои, – бодро сказал он.

– А что ты папе скажешь? – возразил я на его широкий жест.

– Папе? Гм... То же, что и ты, – просто ответил Лерыч.

– Гм... – ответил я.

Мы шли. Тьма убегала от нас впереди и наступала на пятки сзади. Мои ноги основательно замёрзли – камень был очень холодный. Страх перед подземельем несколько притупился: он стал, хотя и неприятным, но привычным чувством. Не скрою: случись сейчас что-нибудь неожиданное, и я бы совершенно растерялся.

– Вот она! – вдруг воскликнул Лерыч.

Я тоже увидел боковой ход слева, пол которого заметно поднимался вверх. Я осветил потолок возле него. Неужели это моя метка? Среди старой копоти она была более жирной. Это, действительно, искомая штольня! Немедленно мы направились в неё. Лерыч рвался бежать вперёд, но я этого сделать не мог – босиком было больно ступать по битым камням.

Наконец, впереди ярко засветилась горизонтальная щель выхода. Мы чуть не закричали «ура!». Свет стал ярче, и, вот, совсем победил пламя горящего кроссовка. Я откинул догорающий факел. Мы вышли наружу, и степная жара обняла нас, замёрзших. Яркий свет, на время, слегка придавил глаза.

– Прорвались, Лерыч! – сказал я.

– Вот так разведка! – сказал он, – расскажи кому...

– И не вздумай! Мы были на море! Что и как рассказать, сейчас обсудим. Где наши велосипеды?

Они оказались на месте. Бродячие привидения их не украли. Я посмотрел на часы – в подземелье мы пробыли 5 часов.

– Так много? – удивился Лерыч, – Я думал, всего-то... не знаю, сколько.

– В таких местах время течёт по-другому, – серьёзно ответил я, – Аномалия. Пустоты в недрах – это всегда аномалия. Ты знаешь, почему лозоискатели могут находить пустоту под землёй? Они чувствуют аномалию. Чувствует: время как-то не так пошло – и рамка у него в руках завертелась, или прутик согнулся – это реакция противодействия изменениям. Физику учил? – всякое действие вызывает противодействие, вот. А сколько же здесь времени прошло на самом деле?

– Вернёмся в лагерь, узнаем.

Но мы не поехали сразу в лагерь, а отправились на море, как и обещали всем – надо постараться быть честными, пусть даже об этом никто и не узнает. Мы искупались, но валяться на солнышке нам было некогда. Садикову надо непременно скорее доложить то, что мы узнали. Но как мы это узнали, лучше бы скрыть.

Вернулись в лагерь ещё по жаре – было около четырёх часов. Дяди Валика в лагере не было, он тоже уехал на море на «Ниве», в какое-то другое место.

Садиков был в лагере и пил холодный компот. Мы сразу подошли к нему, и сообщили, что у нас есть важный разговор. Мы рассказали, что, дорогою на море, отклонились от маршрута (истинная правда, кстати), чтобы посмотреть на курган, (тут уже, каюсь, врём) который Садиков мечтает раскопать, и нарвались на чёрных археологов. Дальше рассказали всё, как было. И заключили тем, что, поехали дальше, на море купаться, и, вот, только сейчас вернулись. Тут я с опаской подумал: а не обратит ли он внимание на наши ободранные ноги? Куда делись мои кроссовки, я уже придумал, но есть ещё колени, побитые, когда мы снова спускались в лаз. Но Садиков ничего не заметил. Он нахмурился и спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.